491
14

А. Александровъ

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО.

ОТВѢТЪ г. ЗИНОВЬЕВУ

НА ЕГО

„Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Г. Авсѣенко. Троицкая ул., № 22.
1895.

Прейсгоров
60

~~14190~~ 491

А. Александровъ.

БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО.

ОТВѢТЪ г. ЗИНОВЬЕВУ

НА ЕГО

„Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Г. Авсѣенко. Троицкая ул., № 22.
1895.

39
Библиотека ИЭФ СССР

11
1919

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБН. КОМИТЕТА ЦИК ФЭС

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 мая 1895 года.

73260

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО.

ОТВѢТЪ г. ЗИНОВЬЕВУ

НА ЕГО

„ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЗЕМСКАГО УСТРОЙСТВА ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе.	1
I.	Приходское устройство	5
II.	Губернскія дворянскія учрежденія	17
III.	Администрація и земство въ освѣщеніи г. Зиновьева.	34
IV.	Будущее балтійское земство въ освѣщеніи г. Зиновьева.	43

Въ началѣ настоящаго года вышла въ Ригѣ изъ печати брошюра: **„Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“ г. Зиновьева,** обратившая на себя вниманіе.

Какъ извѣстно, земское хозяйство въ этихъ губерніяхъ до сихъ поръ находится въ рукахъ дворянства, но порядокъ этотъ, съ тѣхъ поръ какъ сенаторской ревизіей 1882 года и обслѣдованіями особо командированныхъ лицъ въ 1888 году выяснена была его полная несостоятельность, признавался вообще подлежащимъ преобразованію, при чемъ имѣлись два предположенія: или сосредоточить земское хозяйство въ рукахъ правительства съ участіемъ въ той или иной формѣ мѣстныхъ элементовъ, или же ввести здѣсь общерусское земское положеніе. Г. Зиновьевъ выступаетъ нынѣ въ своей брошюрѣ съ новымъ проектомъ—оставить въ силѣ все нынѣшнее земско-вотчинное устройство съ незначительными частными измѣненіями. Чтобы доказать необходимость сохраненія нынѣшняго строя, авторъ и написалъ свой „*Опытъ изслѣдованія*“, встрѣченный громкими хвалебными статьями съ нѣмецкой стороны и молчаніемъ съ русской...

Такое молчаніе русскаго общественнаго мнѣнія и русской печати могло-бы быть истолковано неправильно, или въ смыслѣ слабаго интереса русскаго общества къ окраиннымъ вопросамъ, или въ смыслѣ неопровержимости аргументовъ г. Зиновьева. Въ дѣйствительности-же и интересъ русскаго общества къ окраинамъ не такъ ужъ слабъ, и содержаніе труда г. Зиновьева не такъ ужъ неоспоримо. Напротивъ, едва-ли еще когда-либо передъ русской публикой вы-

ступали по серьезному вопросу съ трудомъ болѣе легкимъ, болѣе переполненнымъ противорѣчій, натяжекъ, голословныхъ утвержденій, историческихъ ошибокъ и предвзятыхъ сужденій, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ. Оставленіе безъ возраженій выводовъ автора давалобы имъ какъ-бы санкцію молчаливаго согласія всѣхъ тружениковъ русскаго дѣла, близко стоявшихъ или изучавшихъ тотъ-же мѣстный вопросъ...

Задачей настоящаго изданія ставится поэтому— разобрать главнѣйшія положенія труда г. Зиновьева и сопоставить ихъ съ результатами, къ какимъ пришли другіе изслѣдователи. Съ этой цѣлью мы въ основаніе своихъ сужденій возьмемъ слѣдующіе *оффиціальные* источники:

1. О повинностяхъ въ Курляндской губерніи, Митава, 1888 г.

2. Записка о земскихъ повинностяхъ въ Курляндской губерніи, С.П.Б. 1889 г.

3. Земскія повинности въ Эстляндской губерніи. Составилъ чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ князь Н. В. Шаховской. Ревель 1888 г.

4. Записка о земскихъ повинностяхъ въ Эстляндской губерніи, составленная по порученію министра финансовъ управляющимъ Херсонской казенной палатой Рудченко С.П.Б. 1888 г.

5. Записка о земскихъ повинностяхъ въ Лифляндской губерніи, составленная по порученіи министра финансовъ управляющимъ Радомской казенной палатой Яновичемъ С.П.Б. 1888 г.

6. Земскія повинности въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. С.П.Б. 1890 г. Сост. въ мин. внутр. дѣлъ.

Не смотря на этотъ рядъ замѣчательныхъ работъ, коими по справедливости можетъ гордиться русская оффиціальная литература, г. Зиновьевъ увѣряетъ, что его трудъ составляетъ *первый* опытъ критическаго изслѣдованія существующаго земскаго устройства Лифл. губ., и хотя уже въ концѣ своей книги онъ и припоминаетъ, что по земскому вопросу все-таки собраны были весьма цѣнные матеріалы и изслѣдованія, но матеріалы эти будто-бы „исключительно статистиче-

скаго характера“, что совершенно не вѣрно. Къ тому-же, говоритъ г. Зиновьевъ, „они не были надлежащимъ образомъ освѣщены; они не были подвергнуты надлежащей критикѣ, не было возстановлено связи между современнымъ положеніемъ земства и исторіей страны, не было обращено вниманія на историческое развитіе земскаго права въ Прибалтійскомъ краѣ“.

Такимъ образомъ дается понять читателю, что до г. Зиновьева никому не удавалось „надлежащимъ образомъ освѣтить вопросъ“, „подвергнуть его надлежащей критикѣ“ и т. д., и все это удалось сдѣлать какъ-бы одному лишь г. Зиновьеву.

Хотя авторъ и назвалъ свой трудъ „Опытъ изслѣдованія земскаго устройства *Лифляндской* губерніи“, но тѣмъ не менѣе онъ въ предисловіи говоритъ, что заключающіяся въ его изслѣдованіи указанія и выводы въ значительной степени относятся до всего *Прибалтійскаго* края. Авторъ конечно понималъ, что заключенія его, разъ они будутъ приноровлены имъ къ одной только Лифляндской губерніи, не будутъ имѣть такого существеннаго значенія, какъ если-бъ они касались всѣхъ прибалтійскихъ губерній; равно какъ и предлагаемое имъ земское устройство много выиграло-бы въ доказательности, если-бъ оно могло быть распространено на всѣ три губерніи. Поэтому онъ тщательно обходитъ все, въ чемъ эти губерніи разнствуютъ, и наоборотъ старается вселить въ читателѣ мысль объ общности ихъ земскаго устройства и съ этой цѣлью говоритъ:

> „Историческая жизнь всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній протекла при одинаковыхъ, приблизительно, условіяхъ, при чемъ вслѣдствіе сильнѣйшаго, обусловленнаго болѣе высокой культурой и большимъ политическимъ развитіемъ населенія, вліянія, которое внутренняя жизнь Лифляндіи имѣла на Курляндію и Эстляндію со времени перехода этихъ трехъ провинцій подъ русское владычество, каждое сколько-нибудь крупное явленіе въ области земской жизни, имѣвшее мѣсто въ Лифляндской губерніи, отражалось на соотвѣтствующихъ сторонахъ жизни двухъ прочихъ губерній“.

Все это невѣрно. Почему это въ Лифляндіи болѣе высокая культура и большее *политическое* развитіе

населенія? Въ дѣйствительности, даже въ отношеніи самаго главнаго козыря г. Зиновьева — *приходскаго устройства*, всѣ три губерніи между собою кореннымъ образомъ отличаются. Такъ, въ *Лифляндіи*, приходъ, правда, является какъ-бы земской единицей, въ *Курляндіи* же, гдѣ земское устройство такое-же, какъ напр. въ Ковенской или Виленской губ., приходъ служитъ только дворянско-сословнымъ цѣлямъ, а въ *Эстляндской* приходъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ земскаго значенія, а сохраняетъ лишь церковное значеніе. Всѣ эти азбучные факты не мѣшаютъ однако г. Зиновьеву утверждать, что

> „въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ основы земскаго устройства весьма сходны съ таковыми-же основами, существующими для губерній Лифляндской“ (80).

Такъ какъ въ Курляндской губ. дѣйствуетъ общерусскій уставъ о земскихъ повинностяхъ и земскимъ дѣломъ вѣдаетъ тамъ губернскій распорядительный комитетъ, т.-е. существуетъ правительственное устройство, то мы въ нашемъ изложеніи совсѣмъ не будемъ касаться этой губерніи.

I.

Приходское устройство.

Г. Зиновьевъ, въ своихъ попыткахъ отстоять феодальное земство въ Прибалтійскомъ краѣ, выступаетъ горячимъ сторонникомъ существующаго въ Лифляндской губерніи пріурочиванія земско-хозяйственныхъ дѣлъ къ лютеранскимъ церковнымъ приходамъ. Онъ идеализируетъ это земско-церковное приходское устройство и расписываетъ его въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ, встрѣчавшихся намъ ужъ не разъ прежде въ нѣмецкихъ книжкахъ, что о трезвомъ историко-критическомъ изслѣдованіи вопроса не можетъ быть и рѣчи. Вотъ, напр., какъ живописуетъ г. Зиновьевъ значеніе лютеранскихъ приходовъ:

„Лютеранскіе приходы, явившіеся здѣсь ячейкой гражданственности, дали импульсъ *развитію земскихъ учрежденій*“ (которыхъ здѣсь въ поминѣ нѣтъ и никогда не было).

„Съ самыхъ давнихъ временъ въ Лифляндіи самъ собою образовался первый *земскій организмъ*“. (Приходъ — земскій организмъ? Этому и нѣмцы не вѣрятъ, хотя разумѣется не прочь убѣдить въ томъ другихъ)...

„Приходъ пережилъ всѣ перипетіи и сталъ фундаментомъ *гражданскаго устройства* всей провинціи. На этомъ-то прочномъ, выдержавшемъ столько бурь, пережившемъ и шведское, и русское владычество, фундаментѣ основалось все *дальнѣйшее гражданское развитіе* Лифляндіи“. (Такъ стараются выставить дѣло нѣмецкіе дѣятели, чтобы доказать этимъ необходимость и дальнѣйшаго культивированія со стороны государства лютеранскаго церковнаго устройства).

„Вызванный къ жизни дѣйствительными потребностями страны, а не какими-либо извнѣ навѣянными доктринами, организмъ этотъ естественно получилъ особую силу и жизненность“.

Съ этой напыщенной фразеологіей интересно сопоставить отзывъ трезваго изслѣдователя этихъ-же

приходовъ, г. Яновича (нынѣ плоцкаго губернатора). Приходы, говоритъ онъ, держались

„лишь благодаря той суровой дисциплинѣ, вслѣдствіе которой такъ цѣльно во всемъ проведена и выдержана система, по которой вся власть сосредоточена въ рукахъ высшаго правящаго класса, заставляющаго все остальное населеніе въ точности выполнять возложенныя имъ на него обязанности“ (стр. 10).

Громкія фразы г. Зиновьева о приходѣ, какъ о „полномъ жизненности и силы фундаментѣ гражданскаго развитія Лифляндіи“, сводятся въ сущности къ слѣдующимъ двумъ-тремъ несомнѣннымъ фактамъ.

Жизнь церковнаго прихода въ лютеранской Лифляндіи вызывала необходимость удовлетворенія и нѣкоторыхъ общихъ потребностей. Такъ, разъ выстроена была церковь, являлась необходимость въ школѣ при ней, на общія средства прихожанъ, являлась необходимость въ дорогахъ между церковью и имѣніями, и т. д. Затѣмъ, по мѣрѣ развитія гражданственности и *вслѣдствіе* отсутствія всякихъ земскихъ учрежденій въ Лифляндіи, только въ Лифляндіи, къ готовому организму церковнаго прихода постепенно пріурочивались, съ весьма недавняго, впрочемъ, времени, и чисто земскія дѣла, какъ напр. сельская почта, врачебное дѣло и т. д. Такимъ образомъ къ религіозному центру прилаживались съ теченіемъ времени разныя земско-хозяйственныя функціи, что представляетъ, вообще говоря, полную аномалію, но именно этой аномаліей и восторгается г. Зиновьевъ, упускающій изъ виду, что если она не такъ еще кидалась въ глаза при одновѣрномъ составѣ населенія, то нынѣ, когда масса лифл. населенія принадлежитъ уже къ православной церкви, и слѣдов. лютеранскіе приходы для него уже вообще не составляютъ центра, да и нежелательно, чтобы они составляли таковой,—такой порядокъ противорѣчитъ русскимъ интересамъ.

Дальнѣйшія историческія соображенія г. Зиновьева способны вызвать одно недоумѣніе:

„Одновременно съ образованіемъ и развитіемъ прихода создавалась и организація его управленія, основанная на столь-же *простыхъ и естественныхъ началахъ*“.

Любопытно послушать, какія-же это *столь простыя и естественныя начала*. А вотъ онѣ:

> Въ древнѣйшія времена органами этого управленія были церковные или приходскіе конвенты, состоявшія изъ *всѣхъ прихожанъ*.

И это было въ древнѣйшія времена! Да тогда большая часть всѣхъ прихожанъ были крѣпостными. Но, впрочемъ, г. Зиновьевъ уже на слѣдующей страницѣ замѣчаетъ свою оплошность и пишетъ:

> „Само собою разумѣется, что при полномъ отсутствіи у крестьянъ политическихъ правъ, а равно и правъ поземельной собственности, прихожанами въ тѣсномъ смыслѣ считались въ то время *исключительно лишь одни помѣщики. Крестьяне-же никакого участія въ приходскихъ дѣлахъ не принимали* (4).

Такъ вотъ это, по мнѣнію г. Зиновьева, и есть „*основанная на простыхъ и естественныхъ началахъ* приходская организація". Но еще интереснѣе его дальнѣйшія историческія умозаключенія:

> Удовлетвореніе приходскихъ земскихъ потребностей основано было *такимъ образомъ* искони на *самообложеніи*...

Крестьянъ облагали, а выходитъ *такимъ образомъ* самообложеніе. Впрочемъ авторъ, не замѣчая всей оригинальности своего историческаго изложенія, продолжаетъ:

> Положеніе дѣла въ этомъ отношеніи мало перемѣнилось со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1819 г.

Значитъ, и послѣ освобожденія крестьянъ продолжалось это оригинальное самообложеніе, очевидно очень удобное для дворянства, дѣйствительно и переложившаго такимъ путемъ всѣ повинности на крестьянство.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что ни до, ни послѣ освобожденія крестьянъ, крестьяне въ приходскихъ конвентахъ не участвовали, а участвовали тамъ одни только дворяне. Почему при всемъ этомъ г. Зиновьевъ величаетъ эти конвенты *безспорно важнѣйшими земскими учрежденіями?* Изъ того, что конвенты эти состояли изъ однихъ дворянъ, вовсе вѣдь нельзя вы-

вести земскаго характера этихъ учрежденій въ прошломъ. Но можетъ быть онѣ стали таковыми уже въ позднѣйшіе годы? Подойдемъ поближе и къ этому времени.

Дѣйствительно, въ 1870 г., подъ вліяніемъ чисто политическихъ соображеній *), дворянство рѣшилось допустить въ составъ конвентовъ депутатовъ отъ крестьянъ (ужъ одно это показываетъ, что *до 1870 года* въ приходскихъ конвентахъ не участвовали крестьяне). Г. Зиновьевъ изображаетъ послѣдствія этого постановленія дворянства такъ:

> Лифляндскіе крестьяне, видимо (изъ чего же это видимо?) привыкшіе къ приходскимъ управленіямъ, относятся къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ и, безъ преувеличенія можно сказать, что учрежденія эти въ глазахъ всего населенія Лифл. губ. считаются наиболѣе популярными (8).

И такъ съ 1870 года крестьяне успѣли уже привыкнуть къ приходскимъ управленіямъ и полюбить ихъ, хотя необходимо замѣтить, что уже въ 1888 году, какъ повѣствуетъ г. Зиновьевъ, губернское начальство должно было принимать надлежащія мѣры *для воспрепятствованія приходскимъ конвентамъ стать исключительно дворянскими учрежденіями* (стр. 7). Впрочемъ для оцѣнки той популярности, которою пользуются приходскія управленія надлежитъ еще замѣтить, что депутаты отъ крестьянскаго элемента допущены были дворянствомъ лишь въ лицѣ *волостныхъ старшинъ*, что съ точки зрѣнія дворянства было очень умно, ибо старшины въ то время находились всецѣло въ рукахъ мѣстной феодальной партіи, вершившей и судъ и расправу во всѣхъ отрасляхъ мѣстной жизни. Старшины никакой опасности для приходскихъ управленій не

---

*) О существѣ этихъ соображеній, правительственная „Записка“ говоритъ: „Историческія условія развитія этой губерніи, съ переходомъ части крестьянъ въ православіе и съ появленіемъ значительнаго числа мелкихъ поземельныхъ собственниковъ изъ крестьянъ, а также изъ лицъ другихъ состояній, совершенно мѣняли физіономію страны, угрожая нанести существенный ущербъ какъ лютеранству, такъ и тѣсно съ нимъ связанной *нѣмецкой* школѣ. Въ виду этого, для огражденія интересовъ *лютеранской* церкви и ея *духовенства*, а равно для поддержанія *политическаго значенія* народной школы, могущихъ подвергаться въ приходскомъ управленіи вліянію собственниковъ, не принадлежащихъ къ означенному вѣроисповѣданію, Лифляндское дворянство признало нужнымъ совершенно переустроить Церковные Конвенты“ (301).

представляли и ничего не было легче, какъ гнуть ихъ въ какую угодно сторону.

Что авторъ преувеличиваетъ значеніе допущенія волостныхъ старшинъ въ приходскіе конвенты, видно изъ слѣдующаго сужденія оффиціальной „Записки о земскомъ дѣлѣ въ Прибалт. губ.“.

„Дворянство постаралось придать этимъ конвентамъ особую quasi—представительную организацію, въ которой съ виду всесословный декорумъ прикрываетъ дряхлый вотчинно-сословный строй и старую его сущность“...

Въ то время какъ г. Зиновьевъ восторгается ландтагскимъ постановленіемъ 1870 г., въ цитированной уже нами выше „Запискѣ“ (Земск. повин. въ Прибалт. губ.) говорится:

Едва-ли реформа эта, въ томъ видѣ, въ какомъ она проведена мѣстнымъ дворянствомъ, совпадаетъ съ интересами государства и господствующаго въ немъ вѣроисповѣданія,—такъ какъ, вслѣдствіе этого преобразованія, лютеранскій приходъ превращенъ въ земскую единицу, гдѣ преобладающая роль отведена помѣстнымъ владѣльцамъ и лютеранскому духовенству“.

Такимъ образомъ въ оцѣнкѣ этой реформы г. Зиновьевъ кореннымъ образомъ расходится съ болѣе компетентнымъ оффиціальнымъ воззрѣніемъ и попытка его отстоять этотъ „дряхлый вотчинно-сословный строй“ представляется въ русской литературѣ пока единственной.

Г. Зиновьевъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ нынѣшняго приходскаго устройства въ качествѣ низшей земской единицы, въ которой участвовали бы какъ дворяне, такъ и крестьяне. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ того, будто

„прибалтійскіе крестьяне находятся въ сильнѣйшей зависимости отъ помѣщиковъ и иронизируетъ надъ „воображаемымъ угнетеннымъ положеніемъ этого класса населенія“ (35).

Это совершенно ново. До сихъ поръ думали, что здѣсь то именно классическая страна всяческихъ аграрныхъ притѣсненій, а оказывается, по словамъ автора, что это „одно воображеніе“. Онъ говоритъ, что въ Лифляндіи *въ настоящее* время считается до 40,000 дворохозяевъ, которые „собственно и составляютъ главную массу уѣзднаго населенія“ (36) и которые

„представляютъ, такимъ образомъ, всѣ ручательства къ тому, что въ земскомъ управленіи они могутъ играть весьма замѣтную роль“ (40). Но читая у г. Зиновьева дальше, выходитъ, что этихъ 40,000 крестьянъ Лифляндія теперь еще не можетъ выставить, но они явятся, если послѣдуютъ рекомендуемыя авторомъ правительственныя распоряженія, въ результатѣ коихъ и будетъ, по мнѣнію автора,

> образованіе сильнаго сословія вь 40 слишкомъ тысячъ крестьянъ-собственниковъ; сословія совершенно самостоятельнаго, отъ какихъ бы то ни было экономическихъ давленій вполнѣ независимаго, которое въ слѣдствіе природныхъ своихъ качествъ въ высшей степени способно къ завѣдыванію отдѣльными отраслями земскаго хозяйства, ручательствомъ чему служитъ какъ образцовое веденіе собственнаго, такъ и испытанное его участіе въ существующихъ земскихъ учрежденіяхъ, церковныхъ и приходскихъ конвентахъ.

Послѣдняя фраза показываетъ, какъ играетъ авторъ словами. Онъ говоритъ объ *испытанномъ* участіи крестьянъ въ конвентахъ, когда они допущены были туда лишь съ 1870 года, и то въ лицѣ волостныхъ старшинъ. Впрочемъ объ этомъ *испытанномъ участіи* крестьянъ въ конвентахъ мы имѣемъ слѣдующее авторитетное свидѣтельсто правительственнаго вѣдомства. Пока школы онѣмечивали край,

> что было выгодно нѣмецкому дворянству и лютеранскому духовенству, они поддерживали эти школы, но какъ только правительство потребовало примѣненія закона о введеніи русскаго языка, прибалтійское дворянство и духовенство упорно отстаиваютъ нѣмецкій языкъ въ преподованіи и даже по *приговорамъ приходовъ* стали закрывать школы и отбирать издавна отведенные школамъ земельные участки, втягивая такимъ образомъ въ эту политическую борьбу и *безгласныхъ представителей крестьянъ* въ приходскихъ конвентахъ, подъ прикрытіемъ мнимыхъ интересовъ то церкви, то латышской и эстонской національностей, а въ самомъ дѣлѣ отстаивая личныя выгоды или, что еще опаснѣе, нѣмецкія національныя и политическія цѣли“ (178).

Такъ вотъ каково это „испытанное участіе“ крестьянъ въ конвентахъ!

Вообще по мнѣнію автора „въ обсужденіи кресть-

янскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ постоянно вносима была большая страстность“ (34). Вопросъ этотъ обсуждался де „преимущественно съ политической точки зрѣнія“! „Огромное число безземельныхъ крестьянъ въ краѣ породило де въ средѣ русской публики убѣжденіе въ томъ, что положеніе крестьянскаго сословія здѣсь самое жалкое“ (35). Г. Зиновьевъ этимъ не доволенъ, хотя и не можетъ ничего противопоставить такому реальному факту, какъ безземельное состояніе $^{9}/_{10}$ всего крестьянскаго населенія, кромѣ голой фразеологіи.

Но если крестьянскіе представители являются по словамъ правительственной „Записки“ *безгласными представителями* въ приходскихъ управленіяхъ *Лифляндской* губерніи, то можетъ быть дѣло обстоитъ лучше въ *Эстляндской* губерніи? Можетъ быть здѣсь крестьяне дадутъ искомый матеріалъ для земскаго самоуправленія? Вотъ что на эти вопросы отвѣчаютъ намъ правительственные дѣятели:

> „До сего времени эстонское крестьянское населеніе могло пріобрѣсть въ собственность, да и то задолженную, едва одну десятую часть поземельной собственности въ губерніи и вообще экономическая зависимость его укрѣплена и развита вѣками и всѣмъ существующимъ строемъ. Что значили бы такіе представители предъ лицомъ сильнаго культурой и матеріально господствующаго нѣмецкаго дворянства?.. *Эстляндскіе крестьяне и по своему развитію и по своему зависимому положенію едва-ли могутъ быть полезными членами въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ*“ (Записка о земск. повин. въ Эстл. губ. стр. 147).

Такимъ образомъ утвержденіе г. Зиновьева, что крестьяне могутъ въ земскомъ управленіи „играть весьма замѣтную роль“ представляется, какъ по отношенію къ Лифляндіи, такъ и Эстляндіи, просто политической маниловщиной. А объ „*испытанномъ участіи*“ крестьянъ въ эстляндскихъ конвентахъ не можетъ быть рѣчи ужъ потому, что тамъ крестьянъ на конвенты вовсе не пускаютъ...

Такого же достоинства и утвержденіе г. Зиновьева, что „о преобладаніи на приходскихъ конвентахъ помѣщичьяго элемента не можетъ быть рѣчи“ (стр. 8).

Однако вотъ что объ этомъ же констатируется въ правительственномъ изслѣдованіи:

„Преобладающая роль въ конвентахъ отведена помѣщикамъ, по праву владѣнія поголовно засѣдающимъ тамъ, и лютеранскому духовенству, въ большинствѣ избираемому помѣщиками же по праву патронатства".

А вотъ что говоритъ въ своемъ Отчетѣ командированный м—ствомъ финансовъ для изслѣдованія этого же дѣла г. Яновичъ:

„Приходскіе конвенты, завѣдывающіе хозяйствомъ приходовъ совершенно самостоятельно и какъ бы независимо отъ ландратской коллегіи, *на самомъ дѣлѣ составляютъ только отдѣленія коллегіи*".

И далѣе:

„приходскіе конвенты являются только выразителями и исполнителями направленія общаго центральнаго учрежденія (т.-е. ландратской коллегіи) настолько, что можно быть увѣреннымъ, что въ двухъ приходахъ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга концовъ губерніи къ одному и тому-же вопросу отнесутся въ одномъ и томъ-же духѣ и направленіи".

Вообще, говоритъ г. Яновичъ,

„въ приходскихъ конвентахъ, въ *силу экономическихъ условій и вѣковыхъ традицій, дѣйствительными членами являются только помѣщики*" (38).

Наконецъ сошлемся и на отзывъ лифляндскаго губернатора, по замѣчанію котораго въ одномъ изъ его отчетовъ,

„правительство стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ приходовъ, *а хозяевами въ нихъ являются помѣщики и пасторы*"...

Надо думать, что этотъ отзывъ признанъ будетъ и г. Зиновьевымъ достаточно убѣдительнымъ. Во всякомъ случаѣ напомнимъ автору, что отъ вниманія именно этого администратора не ускользнуло, что мѣстные дѣятели желаютъ придать приходскимъ конвентамъ значеніе якобы низшихъ земскихъ органовъ, и разоблачивъ эти попытки, онъ засвидѣтельствовалъ, что

„приходскіе конвенты являются могущественнымъ ору-

діемъ для политическаго воспитанія народа въ духѣ отчужденія отъ имперіи"...

Г. Зиновьевъ утверждаетъ, что

земское устройство Лифляндской губ. *санкціонировано* было русской законодательной властью (стр. 5).

Но этого никогда не было, и даже законы о приходахъ и конвентахъ помѣщены въ уставѣ ев. лютер. церкви, а вовсе не въ положеніяхъ гражданскаго управленія, ни даже въ Сводѣ мѣстныхъ узаконеній, ни въ Крест. полож. для Лифл. губ. 1860 г., ни въ Волостномъ положеніи 1866 г.

Что нашъ законъ отнюдь не санкціонировалъ въ 1832 какого-либо *земскаго* закона, какъ, указывая на 633 ст. Уст. ев. лют. церкви, утверждаетъ г. Зиновьевъ, а лишь законъ *церковный*, это до очевидности ясно изъ текста этой статьи, которая гласитъ такъ:

Обязанности и отношенія *церковныхъ* попечителей къ приходу, къ приходскому Конвенту и къ высшему ихъ начальству, во всемъ, что не измѣнено положеніями сего Устава, остаются за прежнемъ основаніи. Имъ предоставляется непосредственное наблюденіе за цѣлостію *церковнаго* имущества, попеченіе о хозяйственныхъ дѣлахъ *церкви*, созывъ приходскихъ Конвентовъ для разсужденія о важнѣйшихъ дѣлахъ прихода въ *церковномъ отношеніи*, приведеніе въ исполненіе опредѣленій высшаго начальства, предположенія о распредѣленіи съ согласія Конвента между прихожанами предназначенныхъ на *церковныя* постройки и починки расходовъ, надзоръ за производствомъ сихъ построекъ и починокъ, призрѣніе нищихъ и бѣдныхъ къ приходу принадлежащихъ, присмотръ за приходскими кладбищами и дорогами, ведущими къ *церкви*, наконецъ и охраненіе порядка и благочинія при *богослуженіи*, и вообще вся, такъ называемая, *церковная* полиція.

Гдѣ-же тутъ „въ сущности земскій законъ", когда съ совершенной ясностью говорится только о дѣлахъ *церкви*, объ имуществѣ *церковномъ*, о важнѣйшихъ дѣлахъ прихода въ *церковномъ* отношеніи, о постройкахъ *церковныхъ*, о дорогахъ ведущихъ къ *церкви*, о благочиніи *церковномъ?* Откуда-же г. Зиновьевъ вычиталъ въ этихъ до нельзя ясныхъ указаніяхъ закона, что

онъ не церковный, а въ *сущности земскій* законъ, и что законодатель этимъ закономъ санкціонировалъ *земское* устройство?

Равнымъ образомъ не получало законодательной санкціи и постановленіе ландтага 1870 г., коимъ окончательно мѣнялся установленный по русскому законодательству составъ церковно-приходскаго управленія. Въ правительственной „Запискѣ“ говорится, что „это постановленіе *не получило законодательной санкціи до сихъ поръ*, а вступило въ дѣйствіе, утвержденное лишь генералъ-губернаторомъ, взамѣнъ существующихъ и *Высочайшей* властью неотмѣненныхъ русскихъ законовъ“. Такъ что, говорится далѣе,

„безъ Высочайшаго соизволенія и утвержденія, по однимъ лишь постановленіямъ Лифляндскаго дворянства, утвержденнымъ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, послѣдовало въ 1872 году въ сущности полное переустройство церковно-приходскаго управленія“.

Въ другомъ мѣстѣ въ „Запискѣ“ говорится:

„Таково *церковное* устройство приходовъ въ Приб. губ., санкціонированное уставомъ 1832 г. и такимъ оно по закону остается до сихъ поръ“.

Значитъ *церковное*, а не *земское* устройство. Если обратиться къ Эстляндской губерніи, то въ „Запискѣ“ кн. Шаховскаго прямо сказано:

„Дворянство совершенно противозаконно придало учрежденію исключительно конфессіональному, каковымъ являются по общимъ законамъ Имперіи лютеранскіе церковные конвенты и церковные попечители, новыя права и наложило обязанности, не соотвѣтствующія закономъ установленной цѣли сихъ учрежденій“ (318).

Такимъ образомъ мнѣніе г. Зиновьева о санкціонированіи нашимъ законодательствомъ земской роли приходскихъ конвентовъ остается безъ всякаго доказательства. Впрочемъ, онъ и самъ скоро забываетъ объ этомъ мнѣніи своемъ и ужъ на стр. 119 утверждаетъ, что не только „объ организаціи приходскихъ учрежденіи, даже можно сказать—*объ ихъ существованіи законъ почти не упоминаетъ*“, и что подробности всего устройства земства Лифл. губ. „опредѣляются не ка-

кими-либо писанными положеніями, а обычаемъ, практикой прежнихъ лѣтъ и административными распоряженіями. Теперь подумайте, какъ все это вяжется съ его утвержденіемъ, что конвенты, какъ земскія учрежденія, получили „законодательную санкцію“!

Предлагая поставить приходъ основаніемъ земства, г. Зиновьевъ нисколько не смущается отсутствіемъ приходскаго устройства въ двухъ остальныхъ губерніяхъ и совершенно замалчиваетъ этотъ фактъ. Между тѣмъ и въ цитированной выше „Запискѣ“ подтверждается, извѣстный впрочемъ и безъ того всѣмъ фактъ что „приходское устройство въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ *совершенно отлично* въ каждой изъ нихъ“. Въ Эстляндской губ. приходъ „до настоящаго времени не выходилъ изъ узкихъ рамокъ церковнаго устройства въ предѣлахъ, отведенныхъ Уставомъ ев. лют. церкви“, въ Курляндск. губ., по 50 ст. II ч. Св. мѣстн. узак. приходамъ, приходскимъ собраніямъ, отведено низшее мѣсто въ ряду *дворянскихъ* собраній, при чемъ приводимыя въ ст. 354—358 тѣхъ-же узаконеній нѣкоторыя общія правила для этихъ приходскихъ собраній опять таки исключительно говорятъ о сословныхъ дѣлахъ дворянства. И въ дѣйствительности, и понынѣ въ Курл. губ. приходъ есть исключительно сословно-дворянское дѣленіе губерніи. Въ соотвѣтствіи съ этими коренными различіями въ приходскомъ устройствѣ, крестьяне не допускаются по сіе время къ приходскимъ организаціямъ ни въ Курляндской, ни въ Эстляндской губерніи. Изъ сего такимъ образомъ видно, что для осуществленія предложенія г. Зиновьева о признаніи за приходскими конвентами значенія земскихъ учрежденій во всемъ краѣ, необходимо было-бы еще предварительно создать ихъ въ Курляндской и Эстляндской губерніяхъ на тѣхъже началахъ, на коихъ они нынѣ существуютъ въ Лифляндской. Но тогда они вѣдь будутъ уже не „исторически-образовавшимися приходскими устройствами“, въ чемъ собственно г. Зиновьевъ и видитъ одно изъ главныхъ достоинствъ ихъ въ Лифляндіи (44), а организмами, „вызванными къ жизни извнѣ навѣянными доктринами“... Г. Зиновьевъ не указы-

ваетъ, какъ выдти изъ этой дилеммы, такъ что остается неизвѣстнымъ, считаетъ-ли онъ возможнымъ ввести въ каждой изъ прибалтійскихъ губерній особый типъ земскихъ учрежденій или же полагаетъ нужнымъ ввести въ Курляндской и Эстляндской губерніяхъ приходское устройство по образцу Лифляндской (2).

II.

Губернскія дворянскія учрежденія.

(Ландтаги, ландраты, конвенты и проч.).

Послѣ того какъ г. Зиновьевъ идеализировалъ приходское устройство, онъ принимается идеализировать высшія дворянскія учрежденія, и на первыхъ-же порахъ высказываетъ свое удовольствіе по поводу того, что „земская жизнь въ Лифляндіи никогда не нарушалась какими-либо внѣшними насильственными вліяніями и вмѣшательствами“ и предоставлена была „естественному своему развитію“ (65). Такимъ образомъ авторъ видитъ „естественное развитіе“ тамъ, гдѣ всѣ другіе изслѣдователи видятъ не знавшую никакихъ стѣсненій эгоистическую эксплуатацію, а дѣятельное регулирующее вмѣшательство правительства, всегда благодѣтельное и благотворное, какъ ограждающее интересы *всѣхъ*, представляется г. Зиновьеву „внѣшними насильственными вмѣшательствами“. Между тѣмъ только при такомъ правительственномъ вліяніи и мыслимо было-бы сколько нибудь „естественное развитіе“ земскаго организма, который теперь представляетъ только уродливое развитіе *).

Созерцая всѣ эти ландтаги, конвенты, коллегіи и пр. феодальныя учрежденія, г. Зиновьевъ не скры-

*) Г. Зиновьевъ совсѣмъ не замѣчаетъ этихъ уродливостей и даже усматриваетъ „въ высшей степени консервативное направленіе въ теченіи земскихъ дѣлъ Лифляндіи“ (123). Образецъ этого высококонсервативнаго направленія даетъ намъ впрочемъ самъ авторъ, разсказывая, какъ по лифляндскому земскому законодательству одинъ изъ лифляндскихъ пасторовъ, въ числѣ прочихъ повинностей, имѣетъ право на полученіе съ крестьянъ довольно значительнаго количества куръ. И вотъ когда на волостяхъ образовалась недоимка въ 700 куръ, то полиція вынуждена была снарядить особыя экспедиціи для поимки этихъ пернатыхъ экзекуціоннымъ порядкомъ, чтобы доставить ихъ пастору (112). Г. Зиновьевъ не въ этихъ-ли анахронизмахъ видитъ высококонсервативное направленіе?

ваетъ, что онѣ представляются ему „раціональными, какъ явленіе историческое“. Но вѣдь и прежніе балтійскіе „герихты“ были тоже „явленіе историческое“, такъ что и они слѣдовательно представляются г. Зиновьеву раціональными!..

Г. Зиновьевъ утверждаетъ, что ландтагъ, который до сихъ поръ считался учрежденіемъ дворянскимъ — есть учрежденіе *земское*.

Это опять совершенно ново и противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ до сихъ поръ фактамъ. Но г. Зиновьевъ этимъ нисколько не смущается. Онъ вообще того мнѣнія, что кромѣ него, никто ничего не знаетъ о лифляндскихъ дѣлахъ, даже правительство. О незнакомствѣ законодателя съ подробностями земскаго устройства Прибалтійскаго края г. Зиновьевъ говоритъ очень часто, и это незнакомство считается имъ причиной многихъ неправильностей въ ходѣ работъ по реорганизаціи земскихъ установленій въ прибалтійскихъ губерніяхъ (138). А неправильность эта заключается, видите-ли, въ томъ, что государственные люди хотѣли усилить вліяніе правительства на земскія дѣла. Г. Зиновьевъ идетъ даже далѣе и высказываетъ, что правительство своимъ невѣдѣніемъ стоитъ поперекъ дороги улучшеніямъ въ земскомъ дѣлѣ:

> если-бы, говоритъ авторъ, губернаторъ далъ предложеніе ландтагу уровнять между мызной и крестьянской землей дорожную повинность точно такъ-же, какъ уравнена повинность денежная, то ландтагъ несомнѣнно принялъ-бы это предложеніе и выразилъ-бы на него свое согласіе. Препятствія къ такому переложенію *встрѣчались со стороны правительства* и именно вслѣдствіе незнакомства съ аграрнымъ и земскимъ законодательствомъ Лифляндской губерніи (94).

Даже стремленія правительства оградить православныхъ отъ поборовъ въ пользу лютеранской церкви г. Зиновьевъ порицаетъ:

> Законъ, ограждающій православныхъ отъ сборовъ въ пользу лютеранской церкви, имѣющій цѣлью покровительство православнаго населенія, обращается ему во вредъ, лишая православныхъ возможности пользоваться средствами земли для своего школьнаго образованія и вынуждая правительство жертвовать значительными сум-

мами на устройство и содержаніе православныхъ приходскихъ школъ (118).

Такъ что выходитъ, что слѣдовало-бы вовсе не ограждать православныхъ отъ этихъ поборовъ. Вообще, по словамъ г. Зиновьева,

„наше законодательство послѣдняго времени по отношенію къ Лифляндской губерніи впадало въ постоянныя ошибки“ (130) *).

Если г. Зиновьевъ не церемонится съ правительствомъ, то ужъ русское общество и подавно не можетъ разсчитывать ни на какое снисхожденіе. Оно сплошь ничего не знаетъ, не понимаетъ. Такъ онъ говоритъ:

„Въ русской публикѣ существуетъ *вполнѣ ошибочное* мнѣніе о ландтагѣ“ (11).

а въ другомъ мѣстѣ:

„О лифляндской ландратской коллегіи существуетъ въ русской публикѣ *весьма неясное* понятіе“ (18).

а въ третьемъ мѣстѣ:

„по отношенію къ крестьянамъ въ русскомъ обществѣ существуютъ *крайне неопредѣленныя и смутныя* понятія“ (34).

а въ четвертомъ мѣстѣ—

„въ русскомъ обществѣ установилось *неправильное убѣжденіе* въ независимости земства (?) прибалтійскихъ губерній отъ власти губернскаго начальства“.

И такъ далѣе.

Найдя въ русскомъ обществѣ „вполнѣ ошибочныя мнѣнія“, „весьма не ясныя, неопредѣленныя и смутныя понятія“ въ отношеніи прибалтійскихъ дѣлъ,

---

*) Въ доказательство этихъ постоянныхъ ошибокъ правительства, авторъ приводитъ фактъ, который однако скорѣе годится для характеристики его собственной наивности:

„Такъ, при учрежденіи въ Лифляндіи губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій членомъ отъ дворянства въ эти присутствія назначенъ *ландмаршалъ*, а не *ландратъ*, каковое назначеніе по духу лифляндскаго устройства, лишено *всякаго смысла*“...

Точно по существу есть какое-нибудь различіе между ландмаршаломъ и ландратомъ. Точно у нихъ не одна и та-же мысль, не одно и то-же чувство, не одни и тѣ-же помышленія, точно они не смотрятъ на все одними и тѣми-же глазами и не подчиняются одному и тому-же лозунгу...

г. Зиновьевъ принимается поучать русскую публику о томъ, что такое есть въ дѣйствительности ландтагъ:

> Вслѣдствіе незнакомства со внутреннимъ устройствомъ прибалтійскихъ губерній, въ русской публикѣ существуетъ мнѣніе, что лифляндскій ландтагъ есть учрежденіе вполнѣ соотвѣтствующее губернскому дворянскому собранію внутреннихъ губерній, каковое мнѣніе возбуждало нареканіе на земское устройство Лифляндской губерніи въ томъ, что *якобы* мѣстнымъ закономъ всѣ прочія сословія удалены отъ участія въ земскихъ дѣлахъ, которыя *будто-бы* за симъ предоставлены вѣдѣнію одного лишь кореннаго дворянства (рыцарства) губерніи. *Мнѣніе это вполнѣ ошибочно.* Лифляндскій ландтагъ въ сущности есть не дворянское, а *земское* учрежденіе (11).

Эту земскую сущность ландтага авторъ выводитъ изъ того, что, по нынѣ дѣйствующему о ландтагахъ положенію, въ собраніи этомъ *могутъ* принимать участіе не одни только дворяне, но всѣ вообще владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, къ какому-бы сословію они ни принадлежали.

Могутъ принимать участіе! Любопытно, что авторъ щеголяющій, когда ему это нужно, цифрами, тутъ тщательно обходитъ молчаніемъ, сколько-же въ дѣйствительности, напр., крестьянъ участвуютъ въ лифляндскомъ ландтагѣ. Наберется-ли хоть трое крестьянъ? Впрочемъ нѣсколькими строками ниже авторъ опровергаетъ уже самого себя, разсказывая, что хотя владѣльцами дворянскихъ вотчинъ *могутъ* быть и не дворяне, но что *фактически огромное большинство землевладѣльцевъ дѣйствительно принадлежитъ къ дворянскому сословію, почему дворянство всегда имѣло господствующее значеніе на ландтагахъ.* А на стр. 15 онъ опять повторяетъ: „дворянскія вотчины *принадлежатъ преимущественно дворянамъ*“. Ну, слѣдовательно, русская публика вовсе ужъ не такъ „вполнѣ ошибается“, разъ авторъ и самъ утверждаетъ, что огромное большинство землевладѣльцевъ принадлежитъ къ дворянскому сословію, а въ ландтагѣ могутъ участвовать только владѣльцы дворянскихъ вотчинъ. Тѣмъ не менѣе г. Зиновьевъ на слѣдующей страницѣ снова уже опровергаетъ себя и пишетъ, что мнѣніе, будто

ландтагъ есть собраніе дворянское—есть въ сущности ошибочное мнѣніе!..

Такую-же путаницу авторъ вноситъ и въ совершенно ясный вопросъ о томъ, что такое ландратская коллегія. Вотъ нѣсколько изъ его опредѣленій этого феодальнаго учрежденія:

> Ландратская коллегія (въ шведскія времена) вовсе не была органомъ *земскаго* управленія въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово понимается нынѣ (19).
>
> Коллегія стала (въ русскія времена) какъ-бы *дворянскимъ* органомъ, завѣдующимъ всѣми отраслями гражданскаго управленія и руководствовавшимся при этомъ принципами, имѣющими очень часто весьма мало общаго съ принципами правительства центральнаго (21).
>
> Ландратская коллегія была не земскимъ, а *дворянскимъ* учрежденіемъ, какъ-бы спеціально устроеннымъ для обезпеченія вліянія дворянства на общее управленіе краемъ (25).
>
> Ландратская коллегія не была тѣмъ, что принято называть земскимъ учрежденіемъ, это было учрежденіе *правительственное*. (Это ужъ совсѣмъ ново. Если-бы г. Зиновьевъ еще сказалъ „правительствующее“)...
>
> Подъ конецъ она образовала изъ себя совершенно самостоятельное, весьма мало зависимое отъ мѣстной правительственной власти учрежденіе. Коллегія эта стала какъ-бы дворянскимъ органомъ, завѣдующимъ всѣми безъ исключенія отраслями гражданскаго управленія, органомъ дѣйствовавшимъ параллельно съ органами правительственными; это было какъ-бы второе правительство.

И такъ, по мнѣнію автора, ландратская коллегія въ русскія времена была учрежденіемъ дворянскимъ, стремившимся правительствовать, проводить свою политику и т. под., при чемъ въ текстѣ закона—какъ поясняетъ намъ авторъ „по весьма понятнымъ причинамъ не представлялось возможности *съ полной откровенностью высказать дѣйствительное значеніе* ландратской коллегіи“ (22). Если это все такъ, то почему-же г. Зиновьевъ упрекаетъ русскую публику въ неясныхъ понятіяхъ, когда, какъ видно со словъ самаго автора, русская то публика и имѣетъ самое надлежащее объ этихъ учрежденіяхъ понятіе? Конечно, она не разбирается въ тонкостяхъ этихъ феодальныхъ организацій, но общій взглядъ ее на эти олигархіи совершенно правиленъ, между тѣмъ какъ не

большую цѣну имѣютъ противоположныя утвержденія автора, сбивающагося на каждомъ шагу съ исторической и бытовой правды... Признавая ландтагъ учрежденіемъ земскимъ только потому, что тамъ *могутъ* участвовать и крестьяне, и мѣщане, стоитъ лишь каждому изъ нихъ купить себѣ дворянскую вотчину, авторъ вынужденъ признать, что въ организаціи напр., дворянскаго комитета „ясно проглядываетъ намѣреніе сосредоточить завѣдываніе земскими дѣлами въ дворянскихъ рукахъ“ (15). Но это уже давно извѣстно русской публикѣ и не разъ заявлялось въ русской печати.

Крайне ненаучные и совершенно произвольные пріемы, съ которыми г. Зиновьевъ разбирается въ предлежавшемъ ему историко-юридическомъ матеріалѣ, исключаютъ всякую возможность постигнуть ходъ его мыслей обычнымъ логическимъ путемъ. Онъ, напр., самымъ серьезнымъ образомъ возглашаетъ, что существуютъ „*основные принципы прибалтійскаго земскаго устройства*“, о которыхъ никому до сихъ поръ ничего не было извѣстно, ибо разъ не существуетъ прибалтійскаго земскаго устройства какъ чего нибудь единаго и цѣльнаго, то понятно не можетъ быть и основныхъ принциповъ этого устройства. Тѣмъ не менѣе автору удалось таки ихъ найти, и онъ оглашаетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе такъ:

> „коренное исторически установившееся начало въ устройствѣ земскихъ учрежденій *прибалтійскихъ* губерній заключается въ непризнаніи земствомъ какихъ-либо сословныхъ преимуществъ“ (125).

Отсутствіе сословнаго начала и сословныхъ преимуществъ!.. Это балтійскіе-то феодалы, создавшіе типичнѣйшія кастовыя организаціи, отказались отъ сословнаго начала! Только при полномъ незнаніи фактовъ исторіи, только закрывши глаза на всѣ событія послѣднихъ лѣтъ, можно видѣть отсутствіе сословнаго начала тамъ, гдѣ все имъ пропитано до мозга костей. Но авторъ до такой степени ослѣпленъ своимъ открытіемъ, что и не замѣчаетъ, какъ разсказываетъ сущія небылицы. Вотъ, напр., такой, изумительный въ сочиненіи, претендующемъ на научность, пассажъ:

Разъ отсутствіе сословнаго начала—есть „основной принципъ прибалтійскаго земскаго устройства“, то, конечно, этотъ принципъ долженъ былъ проявиться и въ *Курляндіи*. Тѣмъ не менѣе—какъ разсказываетъ самъ авторъ—сей принципъ, точно на зло, не захотѣлъ проявляться въ теченіе всего историческаго существованія Курляндіи вплоть до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія. Столь долговременное безвѣстное отсутствіе „основнаго принципа“ нисколько однако, какъ это видно изъ изложенія г. Зиновьева, не тревожило ни дворянство, ни тѣ сословія, которыя отъ бездѣйствія вышереченнаго принципа, очевидно, должны были быть въ накладѣ... Дальше дадимъ слово автору: Наконецъ—говоритъ онъ—„подобное противорѣчіе съ основными принципами прибалтійскаго земскаго устройства заставило курляндское дворянство ходатайствовать“ и т. д. (127). Послѣдствіемъ сего было допущеніе всѣхъ сословій къ земству, если... если только кто въ состояніи купить себѣ сперва... дворянскую вотчину, которую дешевле 40—50,000 р. не купишь. И такъ въ *Курляндіи* этотъ *„коренной“*, *„основной“*, *„исторически установившійся принципъ“* сталъ дѣйствовать всего какихъ-нибудь лѣтъ 25 тому назадъ, да и то, какъ мы замѣтили, лишь при условіи покупки дворянской вотчины. Въ *Лифляндіи* „основной“, „коренной“, „историческій принципъ“ родился не въ отдаленной древности, какъ это приличествовало-бы ему, а лишь въ 1870 году, и то, какъ говорится въ цитированной нами уже выше оффиціальной запискѣ, подъ страхомъ довольно опредѣленныхъ политическихъ соображеній, при чемъ и здѣсь принципъ всесословности выразился лишь въ допущеніи волостныхъ старшинъ въ приходскіе конвенты и лицъ, умудрившихся купить дворянскія вотчины, къ участію въ ландтагѣ. Наконецъ въ *Эстляндіи* зиновьевскій „основной“, „коренной“, историческій балтійскій принципъ, какъ это не удивительно, по сей день еще даже и не родился, и когда его появленіе на свѣтъ Божій состоится никому не извѣстно, такъ какъ эстляндское дворянство вовсе не расположено для удовольствія г. Зиновьева допустить крестьянъ даже въ при-

ходскія управленія только. Вопросъ этотъ, правда, неоднократно затрогивался тамъ на ландтагахъ съ 1871 г., но *безъ результатовъ*. Въ послѣдній разъ на ландтагѣ 1886 года, при обнаружившемся среди членовъ разногласіи о допустимости крестьянъ, не представилось возможности—такъ гласитъ оффиціальное донесеніе—„придти къ соглашенію и *отыскать основаніе* къ разработкѣ вопроса этого, почему постановлено было *не входить даже* въ *обсужденіе этого проекта*“... Даже „основаніе не могли найти“ пустить въ Эстляндію этотъ зиновьевскій безсословный принципъ, и таки не пустили...

Подведя итогъ всему сказанному, получается вотъ что:

Открытые г. Зиновьевымъ „*основные принципы прибалтійскаго земскаго устройства*“ (128) никогда не лежали, какъ это ошибочно утверждаетъ г. Зиновьевъ,— „въ основаніи прибалтійскаго земскаго устройства“ (127) и поэтому и не проявлялись въ теченіе всего историческаго существованія края, чего не могло-бы быть, если-бъ указываемые авторомъ принципы были бы дѣйствительно „основными принципами“; постановленія-же 70-хъ годовъ ни въ какой связи съ этими воображаемыми принципами не стоятъ и вызваны— какъ это и выяснено правительствомъ—чисто политическими соображеніями, а въ Эстляндіи такъ даже и этихъ постановленій не хотятъ дѣлать по сей день, т.-е. слышать о допущеніи не дворянъ къ земству, слѣдовательно продолжаютъ стоять на самой узкой сословной точкѣ зрѣнія. Могло-ли бы это быть, если-бъ *безсословность* была „основнымъ началомъ, положеннымъ, какъ это утверждаетъ г. Зиновьевъ—въ основаніе эстляндскаго земскаго устройства“. Такимъ образомъ едва-ли не будетъ правильнымъ отнести эти открытые г. Зиновьевымъ „принципы„ къ области миѳологіи...

Господствуетъ убѣжденіе — разсказываетъ г. Зиновьевъ—

что въ области земскихъ дѣлъ прибалтійскихъ губерній дворянскому сословію *закономъ* предоставлено полное верховенство сравнительно съ прочими сословіями,

но это мнѣніе при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ оказывается далеко не вполнѣ правильнымъ (51).

Если такое убѣжденіе господствуетъ, то вовсе не въ томъ, какая роль предоставлена дворянству *закономъ*, а фактически, всѣмъ положеніемъ вещей. Вѣдь никакихъ земскихъ законовъ въ сущности нѣтъ, что мы до очевидности ясно доказали относительно приходскаго устройства, которое опредѣлено закономъ лишь какъ *церковное*, но отнюдь не какъ *земское* устройство; что-же касается высшихъ учрежденій, то самъ г. Зиновьевъ говоритъ:

Существуетъ положеніе о ландтагѣ, дворянскомъ конвентѣ и ландратской коллегіи какъ объ учрежденіяхъ *дворянскихъ*, но нѣтъ положенія объ нихъ какъ объ учрежденіяхъ *земскихъ* (119).

Слѣдовательно, роль дворянства въ земскомъ хозяйствѣ опредѣляется не закономъ, а всѣмъ складомъ жизни и тѣми толкованіями разныхъ болѣе или менѣе архивныхъ фрагментовъ, которые, какъ ужъ разъ выразился г. Зиновьевъ, придаютъ „теченію мѣстныхъ земскихъ дѣлъ столь высококонсервативное направленіе“. А въ какомъ смыслѣ сложилась фактически роль дворянства въ земскомъ хозяйствѣ края, можно привести, напримѣръ, слѣдующій отзывъ кн. Шаховскаго относительно Эстл. губ.

„Существующая организація земскаго хозяйства въ Эстляндской губерніи основана на началахъ самаго широкаго вотчинно-*дворянскаго* самоуправленія, которое имѣетъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи кассу, само устанавливаетъ денежные сборы и складки, разлагая ихъ и на лицъ къ дворянскому сословію не принадлежащихъ,— само перелагаетъ натуральныя повинности въ денежныя не только безъ всякаго участія или контроля со стороны правительственныхъ органовъ, но даже безъ утвержденія верховной власти (320).

Въ дополненіе къ этому отзыву можно привести и отзывъ г. Рудченко, командированнаго, какъ мы уже замѣтили выше, для изученія земскаго дѣла въ Эстляндію м—ствомъ финансовъ:

„Это не только самоуправленіе въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, но полная автономія олигархическаго устройства, какой никогда не знала, кромѣ Фин-

ляндіи, ни одна часть Россійской Имперіи... Порядокъ такого ненормальнаго развитія мѣстной автономіи одного сословія въ ущербъ другимъ не замедлитъ обнаружиться очень скоро и прежде всего на неравномѣрности распредѣленія земскаго бремени“ (20).

Еще болѣе авторитетны тѣ выводы, къ коимъ пришло правительственное изслѣдованіе земскаго дѣла; тамъ говорится:

«*Все земское хозяйственное управленіе въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ есть исключительно дворянское управленіе, состоящее изъ однихъ дворянъ, которые въ союзѣ съ избираемымъ ими же лютеранскимъ духовенствомъ являются распорядителями судебъ страны, держащими въ своихъ рукахъ всю ея земскую жизнь*».

Что можно возразить противъ столь яснаго и авторитетнаго указанія, не оставляющаго никакого сомнѣнія, что вся практика земскаго дѣла лежитъ всецѣло въ рукахъ дворянства.

Да, говоритъ г. Зиновьевъ, если и замѣчается преобладаніе дворянскаго сословія, то это явленіе случайное (51).

Однако, 300 лѣтъ продолжается это преобладаніе и все оно явленіе случайное! Это преобладаніе, видите-ли,

„проникло туда искуственнымъ путемъ, оно противно основнымъ началамъ земскаго и аграрнаго устройства Лифляндіи. Лифляндское земское право и основанное на немъ земское устройство совсѣмъ не признаютъ сословій... (51).

Какъ додумался авторъ до этого открытія и на чемъ основывается? Оказывается, что у него въ рукахъ никакихъ доказательствъ, кромѣ вышеприведеннаго ландтагскаго постановленія 1870 г., не имѣется; имъ нашъ авторъ только и манипулируетъ. По этому постановленію, каждый владѣлецъ дворянской вотчины *можетъ* участвовать въ ландтагѣ для обсужденія земскихъ (но не дворянскихъ) дѣлъ. А такъ какъ, вслѣдствіе этого, поясняетъ авторъ—„дворянская вотчина *можетъ* принадлежать крестьянину, мѣщанину, безразлично“ (53), ибо и крестьянинъ „*имѣетъ право* купить дворянскую вотчину“ (55), то вотъ на этомъ кри-

вобокомъ основаніи г. Зиновьевъ и утверждаетъ, что „лифляндское земское право и земское устройство не признаетъ сословій“, хотя тутъ же онъ вынужденъ констатировать, что „на практикѣ крупное землевладѣніе перешло въ дворянскія руки“, а не крестьянскія (55), но со свойственной автору легкостью онъ сейчасъ же приписываетъ это „исторіи страны“, „политическимъ причинамъ“, забывая, что то ландтагское постановленіе, которое есть единственная его опора, существуетъ лишь съ 1870 г., а исторія страны?..

Вообще, какіе только маневры не продѣлываетъ авторъ съ этимъ постановленіемъ. Ему кажется, что оно разрѣшило всѣ земельные и земскіе вопросы въ краѣ. Помилуйте, говоритъ онъ, дворянство добровольно допустило мужиковъ въ губернское земство, т.-е. въ ландтагъ. Стоитъ только мужику купить себѣ дворянское имѣніе и онъ членъ ландтага. Но, забываетъ при этомъ авторъ, дворянская вотчина должна заключать въ себѣ не менѣе 300 десятинъ удобной земли, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ 100 десятинъ подъ пашней, т. е. представлять собою стоимость въ 50,000 р. Легко-ли это крестьянину купить такое имѣніе? Въ Эстляндской губерніи каждая дворянская вотчина должна заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ 150 десятинъ пахотной земли и соразмѣрное къ тому количество луговъ и пастбищъ. Въ „Запискѣ“ г. Рудченко поэтому поводу замѣчается: „при такомъ высокомъ цензѣ едва ли могли быть владѣльцами дворянскихъ вотчинъ лица какихъ-либо другихъ сословій, кромѣ дворянъ, да развѣ еще зажиточныхъ купцовъ“ (29).

Вообще, если сравнить тѣхъ нѣмецкихъ дѣятелей, которые создали постановленіе ландтага 1870 г. о допущеніи всѣхъ сословій къ участію въ ландтагѣ, съ тѣми близорукими комментаторами, которые въ своихъ „Опытахъ изслѣдованія“ поютъ дифирамбы этому постановленію, то какая гибель политическаго ума въ первыхъ и какая скудость политической проницательности во вторыхъ! Нѣмецкіе дѣятели знали, что, раскрывая двери ландтага „всѣмъ купившимъ дворянскія вотчины“, они дѣлаютъ только ловкій шахматный ходъ, ни къ чему ихъ не обязывающій и нисколько

ихъ не стѣсняющій. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ тѣ крестьяне, которые въ состояніи покупать дворянскія вотчины? Такихъ въ 100 лѣтъ отыщется можетъ быть два—три человѣка, да и будутъ ужъ это крестьяне лишь по имени, стремящіеся при первомъ случаѣ уйти изъ своего сословія, чтобы пріобщиться къ высшему. Купцы же и бюргеры, тѣ хотя чаще имѣютъ возможность купить дворянское имѣніе, но какая же отъ нихъ опасность? они вѣдь всѣ воспитаны на балтійскихъ дрожжахъ и всегда стояли въ первыхъ рядахъ борцовъ за нѣмечество, съ большимъ самоотверженіемъ вытаскивая каштаны изъ огня для феодальной партіи. Такъ что какъ ни посмотрѣть, а постановленіе ландтага 1870 г. никакого ущерба феодаламъ не приносило и было просто политической мистификаціей ихъ противниковъ, такою же, какъ и допущеніе волостныхъ старшинъ въ приходскіе конвенты. И дѣйствительно, сколько слабыхъ политическихъ умовъ рукоплескали феодаламъ, „пошедшимъ-де на встрѣчу духу времени“, „подѣлившимся властью съ младшимъ братомъ“ и т. д. Новѣйшее зрѣлище въ этомъ родѣ даетъ намъ г. Зиновьевъ.

Онъ категорически заявляетъ, что „по духу мѣстнаго аграрнаго законодательства и земскаго права, дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія, въ значеніи внутреннихъ губерній, нѣтъ и быть не можетъ“.

Духъ мѣстнаго аграрнаго законодательства! Но носителямъ и воплотителемъ въ себѣ этого духа была во всякомъ случаѣ только нѣмецкая стихія, главнымъ образомъ, дворянство, ибо вѣдь только оно въ послѣдніе два вѣка распоряжалось судьбами края и его законодательствами. Какъ же оно проводило этотъ духъ свой въ жизнь? Послушаемъ на этотъ счетъ самаго автора:

> „лифляндское дворянство постоянно и усиленно домогалось передъ шведскимъ правительствомъ о пріобрѣтеніи себѣ привилегіи *исключительнаго владѣнія землями* въ Лифляндіи, но домогательства эти постоянно были отклоняемы“...

Значитъ, духъ-то направленъ былъ на исключи-

тельное владѣніе землями. Посмотримъ что было дальше. Въ русскія времена—

„Петромъ Великимъ были сдѣланы нѣкоторыя весьма значительныя уступки по вышеозначеннымъ домогательствамъ дворянства“...

Значитъ, дворянство продолжало домогаться привилегированнаго землевладѣнія, и, „духъ аграрнаго законодательства“ слѣдовательно не проявлялся еще. Но посмотримъ, что намъ разскажетъ авторъ дальше:

„Съ каждымъ новымъ царствованіемъ уступки эти становились все болѣе и болѣе значительными“.

Значитъ домогательства носителей духа все продолжались:

„Въ особенности большія привилегіи получило прибалтійское дворянство въ первой половинѣ настоящаго столѣтія (57).

И въ Сводѣ мѣстныхъ узакон. даже

„появился законъ, на основаніи котораго дворянскія вотчины не могли быть пріобрѣтаемы лицами *не принадлежащими къ дворянскому сословію*“ (58).

И вообще, говоритъ нашъ авторъ,

„въ Лифляндскомъ дворянствѣ существовало постоянное стремленіе присвоить себѣ привилегію исключительнаго обладанія землею въ Лифляндіи“ (13).

Такимъ образомъ на пространствѣ почти трехъ вѣковъ самъ авторъ констатируетъ намъ домогательства лифляндскаго дворянства сдѣлать землевладѣніе исключительно дворянской привилегіей, а въ такомъ случаѣ, гдѣ же этотъ расхваливаемый г. Зиновьевымъ всесословный „духъ мѣстнаго аграрнаго законодательства“, когда и въ чемъ этотъ духъ проявился, когда носители его и выразители только то и дѣлали, что выпрашивали у правительствъ огражденія землевладѣнія въ дворянскихъ рукахъ, и въ концѣ концовъ таки захватили его. Впрочемъ, нужно-ли еще лучшей характеристики духа мѣстнаго аграрнаго законода-

тельства, какъ тѣ условія, при коихъ совершился самый важнѣйшій актъ мѣстнаго аграрнаго законодательства—освобожденія крестьянъ, когда во главѣ Крестьянскаго Положенія феодальное рыцарство выставило, какъ своего рода незыблемую истину, что „дворянству сохраняется вполнѣ право собственности на землю, принадлежащую ему на основаніи *священныхъ коренныхъ законовъ*“, а въ числѣ этихъ законовъ показаны трактаты 1561 г., какая то Готгардова грамота 1570 года, какіе то „акты соглашенія“ 1776 года и т. п. „священные законы“, на основаніи которыхъ крестьяне лишены были права владѣть землями и они приравнены были въ этомъ отношеніи къ „не природнымъ жителямъ края“, т. е. какъ бы къ иностранцамъ, между тѣмъ какъ они то и были природными жителями здѣсь. Какую же цѣну имѣютъ въ виду этихъ собственныхъ заявленій дворянства торжественныя завѣренія г. Зиновьева, что „преобладаніе дворянства не лежитъ въ корнѣ, въ основаніи земскаго устройства, что оно де противно основнымъ началамъ аграрнаго устройства“ (51). Само дворянство отвѣчаетъ ему на это указаніемъ на свои *коренные* законы, даже болѣе чѣмъ *коренные*, прямо „*священные*“ законы. Такимъ образомъ въ этихъ „священныхъ коренныхъ законахъ“ обрѣтается вовсе не тотъ духъ, который выставляетъ намъ г. Зиновьевъ.

Скажемъ еще для характеристики этого своеобразнаго „духа“, какъ обработали мѣстные феодальные элементы аграрное законодательство. „Вслѣдствіе эгоистическаго стремленія дворянства“, говоритъ самъ авторъ, оно создало себѣ привилегію, въ силу которой помѣщичьи земли стали свободны отъ земскихъ повинностей (80), вслѣдствіе чего, какъ сообщаетъ г. Яновичъ, „всѣ самые крупные и при томъ чисто земскаго характера расходы, какъ содержаніе школъ, расходы на медицинскую помощь и на общественное призрѣніе, возложены здѣсь на крестьянскія общества и всѣ обязательныя губернскія земскія повинности раскладываются по сіе время почти на однѣ только крестьянскія земли“ (10). „Чрезмѣрное отягощеніе крестьянскаго населенія Лифляндской губерніи, по сло-

вамъ этого изслѣдователя, только тѣмъ и можно объяснить, что здѣсь чисто земскіе расходы, и при томъ самые крупные, включены въ волостные и потому раскладываются только на крестьянъ; крупныя собственности же почти изъяты отъ обязательныхъ налоговъ“ (37). По отношенію къ Эстляндской губерніи, командированный туда для изслѣдованія дѣла г. Рудченко свидѣтельствуетъ, что „вслѣдствіе безконтрольнаго завѣдыванія повинностями дворянства, ими въ значительной степени отягощено мѣстное крестьянское населеніе, несущее эти повинности не только лично за себя, но и за дворянство, которое перелагаетъ ихъ на крестьянъ по арендным контрактамъ; если же облагаетъ сборами и собственныя мызныя земли подъ видомъ дворянскихъ складокъ, то не говоря уже о томъ, что привлекаетъ къ этому сбору и крестьянскія земли, складочныя деньги употребляетъ на нужды или исключительно дворянскія или вѣроисповѣдныя, въ видахъ развитія и укрѣпленія здѣсь господства лютеранскаго исповѣданія въ ущербъ православію“...

„Вслѣдствіе сословно-олигархическаго устройства земскаго управленія въ Эстляндской губерніи, говоритъ г. Рудченко, земское обложеніе здѣсь достигло невѣроятныхъ размѣровъ, падая обратно пропорціонально платежной способности поземельной собственности; помѣщичьи земли, лучшія и по цѣнности, и по производительности, несутъ это обложеніе на земскіе и на дворянско-сословныя нужды всего въ размѣрѣ 19 коп. съ десятины, крестьянскія же, на три четверти состоящія не въ собственности, а лишь въ арендѣ—31 коп.“ (92). Вообще нельзя не прійти къ заключенію что „не только всѣ земскіе расходы покрываются сборомъ съ однихъ крестьянъ безъ всякаго участія помѣщичьихъ земель, но даже даютъ дворянской кассѣ 43,929 р. остатка, который употребляется всецѣло на надобности сословно-религіозныя мѣстныхъ дворянъ“ (92).

Однимъ словомъ, когда интересы крестьянъ не сходились съ интересами мѣстнаго феодализма, то эти крестьянскіе интересы, какъ свидѣтельствуетъ

самъ авторъ, „весьма часто отодвигались на второй планъ“ (121) *).

Изъ всего этого достаточно ясно становится, какого рода „духъ“ царитъ въ аграрномъ и земскомъ законодательствѣ и какую непосильную задачу взялъ на себя г. Зиновьевъ реабилитировать балтійскія феодальныя стремленія передъ русскимъ обществомъ... Впрочемъ, въ концѣ концовъ запутавшись въ противорѣчіяхъ, авторъ сваливаетъ всю вину на правительство. „Мудрено-ли, восклицаетъ онъ, что при уступчивости правительства лифляндское крупное землевладѣніе стало дворянскимъ“ (58)... Изъ этого слѣдуетъ заключитъ, что правительство должно было-бы не уступать, но въ такомъ случаѣ, какъ выводитъ г. Зиновьевъ далѣе (стр. 65) „земская жизнь Лифляндіи нарушилась бы внѣшними вліяніями“ и страна ужъ не предоставлена была бы „естественному своему развитію“. Такъ въ этихъ противорѣчіяхъ и застрялъ нашъ авторъ.

Изъ предшествовавшей главы о приходскомъ устройствѣ и настоящей главы о губернскихъ земскихъ—употребляемъ это слово за отсутствіемъ другого болѣе соотвѣтствующаго—учрежденіяхъ, достаточно видно, что вся эта сѣть организацій есть въ сущности сплошная феодальная. Это засвидѣтельствовано и цѣлымъ рядомъ оффиціальныхъ изслѣдованій, которыя мы привели въ своемъ мѣстѣ. Роль волостныхъ старшинъ въ конвентахъ самая ничтожная и оффиціальное изслѣдованіе справедливо называетъ ихъ *безгласными представителями*. Это проскальзываетъ и у г. Зиновьева:

> Засѣдающіе въ приходскихъ конвентахъ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, говоритъ онъ—поголовно съѣзжаются на ландтаги, внося въ дѣятельность его *тѣ же принципы*, *тѣ же взгляды*, которыми руководствуется дѣятельность приходовъ... Они вносятъ туда тѣ же цѣли и стремленія...

---

*) Признавъ уже, что уклоненіе дворянства отъ несенія повинностей произошло „вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій“ (80), авторъ затѣмъ, впадая въ обычное свое фразерство, говоритъ: „дворяне освобождены отъ повинностей не потому что они дворяне, а потому что они владѣютъ дворянскими вотчинами, крестьяне несутъ повинности не потому, что они крестьяне, а потому что они владѣютъ крестьянской землей“. Что то въ родѣ сказки про бѣлаго бычка...

Указавъ, что личный составъ земскаго представительства отличается „однородностью“ (т.-е. все *свои* люди), авторъ сознаетъ, что „огромное большинство въ этомъ представительствѣ состоитъ изъ лифляндскихъ дворянъ“, и говоритъ:

> Принадлежа къ одной и той же корпораціи, воспитанные въ однихъ и тѣхъ же традиціяхъ, даже въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, они естественно одинаково смотрятъ на земское дѣло... Вотчинники, связанные между собой единствомъ происхожденія и воспитанія, единствомъ взглядовъ на провинціальныя дѣла, а равно и корпоративными связями, дѣйствуютъ постоянно солидарно (120)... Ландтагъ и приходскія собранія неминуемо дѣлаются, такимъ образомъ, вполнѣ между собою солидарными... Этой организаціи земскихъ собраній и слѣдуетъ преимущественно приписать ту замѣчательную стройность и единообразіе въ дѣйствіи сотни нисколько повидимому между собой не связанныхъ и вполнѣ децентрализованныхъ приходскихъ учрежденій (31).

Авторъ сочувственно говоритъ о „замѣчательной стройности“ этихъ феодальныхъ организацій, нисколько, повидимому, не замѣчая, что эта „стройность въ дѣйствіи“ направлена къ укрѣпленію всего нѣмецкаго и къ противодѣйствію всему русскому...

III.

Администрація и земство

въ освѣщеніи г. Зиновьева.

Г. Зиновьевъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ усиленія административнаго вліянія на земскія дѣла прибалтійскихъ губерній. По его мнѣнію, все обстоитъ благополучно, а тѣ, кто утверждаютъ противное, просто начитались неподходящихъ статей и брошюръ. Нѣсколько разъ возвращается авторъ къ этой темѣ, доказывая, что нынѣшній порядокъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, ибо „дѣятельность земскихъ учрежденій подчинена *сильнѣйшему* контролю губернскаго начальства и находится въ *полной зависимости* отъ мѣстной правительственной власти“ (47). Это до такой степени противорѣчитъ тому, что до сихъ поръ было извѣстно по этому предмету, что мы приведемъ всѣ относящіяся сюда сужденія автора.

Вотъ эти замѣчательныя въ своемъ родѣ мѣста:

> „Мѣстное земское право подчиняетъ земство *прибалтійскихъ* губерній губернскому начальству *въ такой сильной* степени, въ которой, конечно, губернатору не подчинено *ни одно* земство *гдѣ бы то ни было*“ (47).
>
> „Ни одно распоряженіе по земской части не можетъ быть приведено въ дѣйствіе безъ согласія и утвержденія губернатора, которому въ дѣйствительности предоставлено дискреціонное право утверждать или не утверждать эти распоряженія“ (47).

Выходитъ, что нигдѣ земство не подчинено такъ сильно губернатору, какъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и все это благодаря *мѣстному земскому праву*,

честь открытія котораго всецѣло принадлежитъ г. Зиновьеву, ибо до него никто изъ русскихъ изслѣдователей не предполагалъ даже существованія этого права. Но и самъ г. Зиновьевъ не въ состояніи указать, кто и когда это право видѣлъ, гдѣ оно изображено, въ чемъ оно выразилось, въ чьемъ народномъ сознаніи живетъ... Это земское право, по просту говоря, такой-же миѳъ, какъ и пресловутый, но весьма по мнѣнію г. Зиновьева, благотворный, „духъ мѣстнаго аграрнаго законадательства". Впрочемъ, и самъ г. Зиновьевъ не очень твердъ въ томъ, существуетъ или не существуетъ это столь необходимое для его аргументаціи земское право, такъ какъ и онъ очевидно ничего документальнаго, кромѣ цитируемой имъ „резолюціи королевы Христины отъ 17 августа 1648 г." и „резолюціи" какой-то „правительницы Ядвиги-Элеоноры отъ 26 ноября 1660 г." не видалъ. Сказавъ, что

„мѣстное земское право подчиняетъ земство *прибалтійскихъ* губерній губернатору въ такой степени" и т. д.,

г. Зиновьевъ тутъ-же продолжаетъ:

„законъ, опредѣляющій должнымъ образомъ отношенія губернатора къ земству, *отсутствуетъ*" (47)...

равно какъ и „*нѣтъ закона*, опредѣляющаго кругъ дѣятельности и предѣлы компетенціи земскихъ учрежденій"...

Впрочемъ, сказавъ, что закона *нѣтъ*, г. Зиновьевъ двумя страничками дальше уже говоритъ: „*законъ этотъ*, предоставляющій губернатору столь большую власть" и т. д. (50). Какъ тутъ разобрать, есть или нѣтъ закона?.. Но послушаемъ автора дальше:

„Съ *этимъ* закономъ (выше авторъ сказалъ, что законъ этотъ *отсутствуетъ*) познакомиться дѣйствительно *трудно*, ибо право это не только никогда кодифицировано, но даже приведено въ систему не было, и *изучить его возможно лишь попутно съ изученіемъ исторіи Лифляндіи*" (48).

И вотъ это-то совсѣмъ неуловимое право, о которомъ, по словамъ г. Зиновьева, можно догадываться лишь „при *попутномъ изученіи исторіи Лифляндіи*", оказывается, предоставляетъ губернатору такую власть надъ земствомъ, *какъ нигдѣ въ мірѣ!* И всѣ эти чу-

деса происходятъ въ Лифляндіи, откуда какъ разъ наоборотъ всегда приходятъ вѣсти о черезчуръ широкомъ развитіи провинціализма въ ущербъ государственныхъ задачъ...

Какую практическую цѣну могутъ имѣть такія утвержденія автора, что—

„существующій (?) законъ (?) предоставляетъ губернской власти такое вліяніе на земскія дѣла, *что далѣе идти уже невозможно*“

когда этотъ „существующій законъ“, оказывается, вовсе не существуетъ и никогда не существовалъ, и лишь „изучая исторію Лифляндіи“ можно будто-бы—такъ по увѣренію автора—выловить это земское право... Представьте себѣ только положеніе губернатора, который, вмѣсто того чтобы управлять, сидитъ среди фоліантовъ съ грамотами на древне-нѣмецкомъ языкѣ, погруженный въ архивныя студіи по исторіи Лифляндіи и вылавливающій оттуда „попутно“ необходимое ему для руководства губерніей „право“. Но вѣдь администрація существуетъ для практическихъ задачъ!

Происхожденіе ошибки, въ которую впалъ г. Зиновьевъ, не поддается объясненію. Правда, мѣстные феодалы, когда это имъ было выгодно, увѣряли правительство, что существуютъ какія-то „особенныя положенія и правила“ относительно земско-повинностнаго дѣла въ краѣ, но сколько разъ ни возникалъ вопросъ, въ чемъ эти „особенныя положенія“ заключаются, правительство не могло этого дознаться, хотя и употребило на это полвѣка (смотри объ этомъ у Рудченко „зап. о земск. пов. въ Эстл. губ.“ стр. 23). На требованіе эстляндскаго губернскаго начальства, какъ сообщаетъ кн. Шаховской, дворянское представительство доставило какой-то напечатанный въ Ревелѣ въ 1826 г. меморіалъ, заключающій въ себѣ будто-бы всѣ земскіе распорядки, но—

„изъ тщательнаго изученія указаннаго документа оказалось, что въ немъ вовсе ничего не говорится ни о повинностяхъ, ни о правѣ дворянъ дѣлать сборы, ни вообще о чемъ бы то ни было, что имѣло бы не только прямое или косвенное отношеніе къ этому дѣлу, но хотя бы малѣйшую отдаленную связь съ нимъ“ (49)...

Г. Рудченко, который по порученію финансоваго

вѣдомства тоже доискивался этого земскаго права, говоритъ, что онъ нашелъ только „темноту и неизвѣстность“, и что едва-ли это земское право „когда-либо даже существовало“ (12). Кн. Шаховской въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о земскихъ непорядкахъ въ Эстляндской губ. передаетъ, что когда въ 1887 году Прав. Сенатъ по одному частному случаю просилъ министерство доставить Сенату мѣстное земское право, а министерство снеслось по этому поводу съ губернскимъ начальствомъ, то эстляндскій губернаторъ отвѣтилъ, что „такого права въ виду не имѣется и смѣло можно сказать, что его и не существуетъ“.

Такимъ образомъ можетъ считаться установленнымъ, что никакого закона, предоставляющаго губернской власти „такое вліяніе на земскія дѣла, дальше котораго идти невозможно уже“, рѣшительно нѣтъ, что равно нѣтъ никакого закона, подчиняющаго земство губернатору въ такой сильной степени „какъ нигдѣ-бы-то ни было“. Все это, по провѣркѣ, оказывается сплошной фразой.

Указываемая-же г. Зиновьевымъ ст. 122 ч. II Св. мѣстн. узакон., въ силу коей—какъ говоритъ г. Зиновьевъ—всѣ положенія, касающіяся общихъ (земскихъ) дѣлъ *подлежатъ утвержденію* губернскаго начальства, помѣщена въ главѣ „О положеніяхъ ландтаговъ“ и въ отдѣлѣ „объ исполненіи положеній ландтаговъ“, и гласитъ:

> 122. Положенія ландтаговъ, относящіяся къ внутреннимъ или хозяйственнымъ дѣламъ дворянскаго общества, не требуя особаго утвержденія, сообщаются губернскому начальству для свѣдѣнія, но положенія, относящіяся къ общимъ дѣламъ края или же по существу своему подлежащія разсмотрѣнію правительства, до приведенія ихъ въ исполненіе представляются на утвержденіе.

Такъ что, слѣдовательно, даже и этотъ законъ относится только до положенія ландтаговъ, но не приходскихъ конвентовъ. Между тѣмъ авторъ не оговариваетъ этого обстоятельства, очень существеннаго, ибо приходскіе конвенты существуютъ на основаніи церковнаго закона, а не на основаніи положенія о

ландтагахъ, и слѣдовательно, на нихъ вовсе не могутъ распространяться постановленія, касающіяся ландтаговъ.

Но сдѣлаемъ уступку г. Зиновьеву и допустимъ даже, что губернская власть имѣетъ право утверждать или не утверждать положенія общія по земскимъ дѣламъ. Такъ можно-ли говорить, что право это подчиняетъ земство губернатору въ такой сильной степени, „*какъ нигдѣ-бы-то ни было*", когда это-же право имѣютъ и всѣ другіе губернаторы Россійской Имперіи? Такъ преувеличивать значеніе этого права, возглашать что оно подчиняетъ-де земство губернатору въ такой сильной степени, *какъ нигдѣ-бы-то ни было*, что земство находится, благодаря этой 122 ст., „*въ полной зависимости*" отъ мѣстной власти и что „*дальше идти уже невозможно*", тѣмъ менѣе представляется основанія, что право утвержденія извѣстныхъ постановленій—въ сущности очень одностороннее право. Если оно даетъ начальству власть пропускать или задерживать постановленія, то оно ему не даетъ никакого права заставить сдѣлать то, что признается правительствомъ полезнымъ или необходимымъ въ данное время. Такое положеніе неизбѣжно ведетъ къ необходимости для правительственныхъ дѣятелей вступать въ сдѣлки съ общественными учрежденіями, дѣлать имъ уступки, послабленія въ одномъ, чтобы вызвать съ ихъ стороны покладливость въ другомъ. Положеніе едва-ли достойное правительственной власти. Уже опытъ городскихъ общественныхъ управленій, и именно въ Лифляндской губерніи, долженъ былъ-бы убѣдить г. Зиновьева, какъ трудно съ однимъ только правомъ утвержденія двигать правительственное дѣло въ краѣ. Рижское городское управленіе, напр., не хотѣло давать мѣста подъ постройку окружнаго суда и потребовалось для того Высочайшее повелѣніе, чтобы заставить думцевъ дать необходимый участокъ земли. Рижская городская дума не хочетъ допускать въ городской театръ русскія театральныя представленія и допускаетъ только одни нѣмецкія; рижская городская дума изъ 3.500,000 руб. бюджета не хочетъ дать 100 рублей на устройство

народныхъ чтеній и т. д. и т. д. И ничего губернское начальство не можетъ подѣлать. Теперь г. Зиновьевъ предлагаетъ установить такую-же систему по отношенію къ земскому дѣлу, предлагаетъ правительству не быть хозяиномъ, а только контрольнымъ снарядомъ, какъ въ государствахъ запада. Едва-ли, однако, администрація, не завѣдывая сама земскимъ хозяйствомъ, можетъ, какъ говоритъ г. Зиновьевъ, входить во всѣ подробности земскихъ распоряженій и контролировать по существу правильность постановленій 242 церковныхъ и приходскихъ конвентовъ, гдѣ окладныя книги составляютъ 27 толстыхъ фоліантовъ, гдѣ оцѣночныя карты дорогъ составляютъ нѣсколько сотъ сажень листовъ. Для этого потребовалась бы организація правительственнаго надзора почти столь же сложная, какъ и само земское управленіе. Нельзя поэтому безъ улыбки читать фантазіи г. Зиновьева, что

„надъ многочисленными приходскими управленіями, въ качествѣ объединяющаго органа, стоитъ губернское правленіе, дающее санкцію каждому распоряженію приходскаго собранія безъ которой ни одно распоряженіе не приводится въ исполненіе (29)“.

Между тѣмъ болѣе объективный и менѣе увлекающійся изслѣдователь г. Яновичъ говоритъ, что дворянство

„и теперь можетъ большую часть населенія всѣхъ сословій облагать налогами на все, на что найдетъ нужнымъ, *безъ всякаго утвержденія правительства*, *безъ его вѣдома*, не давая отчета въ употребленіи суммъ имъ взысканныхъ ни тому населенію, съ котораго взыскиваетъ, *ни правительству* и не указывая даже предметовъ расхода (10)“.

Въ отношеніи Эстляндской губерніи г. Рудченко говоритъ, что при настоящемъ положеніи дѣла, земское хозяйство, „находится въ полномъ и безконтрольномъ завѣдываніи дворянства и лишено какого либо контроля или надзора правительства“ (1).

Съ своей стороны и кн. Шаховской говоритъ, что правомъ утвержденія еще не устанавливается контроль правительства за дѣйствіями дворянскаго представительства въ дѣлѣ установленія и распредѣленія повин-

ностей (302). Благодаря такому положенію вещей, говоритъ этотъ изслѣдователь, правительство

„до сего времени лишено возможности права вмѣшиваться въ порядокъ отбыванія земскихъ повинностей въ Эстляндской губерніи, и весь внутренній механизмъ этого дѣла по сей день составляетъ секретъ для губернской администраціи, которая тщетно старается сѣтью обращаемыхъ къ дворянскому представительству вопросовъ, по предмету отбыванія земскихъ повинностей, вызывать его на откровенныя сообщенія (283).

Эти отзывы кореннымъ образомъ расходятся съ утвержденіемъ г. Зиновьева, что земство здѣсь подчинено администраціи „въ столь сильной степени, какъ нигдѣ бы то ни было", и, напротивъ, заключаютъ въ себѣ указаніе что административная власть, не находя никакой опоры въ законѣ, стоитъ въ полномъ безсиліи передъ земской олигархіей.

Такимъ образомъ можетъ почитаться доказаннымъ, что никакого земскаго законодательства, дающаго администраціи возможность руководить земскимъ хозяйствомъ и вліять на него, *нѣтъ*.

На первый взглядъ кажется непонятнымъ, какія именно цѣли преслѣдуются авторомъ при столь произвольномъ отношеніи къ историческому, юридическому и бытовому матеріалу изслѣдуемаго имъ вопроса; почему совершенно ясные и не подвергавшіеся до сихъ поръ никакому сомнѣнію факты и отношенія онъ вдругъ представляетъ въ совершенно противоположномъ освѣщеніи, пытаясь превратить черное въ бѣлое. У автора, оказывается, имѣется на это опредѣленная, предвзятая цѣль. Считая нынѣшнее земско-дворянское устройство—какъ онъ самъ говоритъ—„въ основаніяхъ своихъ весьма правильнымъ" (111), онъ ратуетъ за сохраненіе этого вотчиннаго строя. Съ этою цѣлью онъ старается доказать что Лифляндія (или даже весь край—этого у автора трудно разобрать) имѣетъ уже вполнѣ налаженную сѣть земскихъ учрежденій (такъ онъ величаетъ—какъ мы уже выяснили выше—нынѣшнія дворянскія сословныя учрежденія), которыя „живутъ полной жизнью и развиваютъ огромную дѣятельность, подобную которой *не развивало*, *конечно*,

ни одно земское учрежденіе въ мірѣ“ (119). Это единственное *во всемъ мірѣ земство* регулируется-де стариннымъ земскимъ законодательствомъ (оказавшимся сущимъ вымысломъ), а такой „установившійся въ теченіе вѣковъ складъ земской жизни нельзя мѣнять“, ибо „не слѣдуетъ устанавливать въ странѣ *новыя* отношенія и *новое* положеніе“; надо „устраивать удовлетворительнымъ образомъ уже существующія въ данной средѣ отношенія“, это де „особенно важно въ Прибалтійскомъ краѣ“. Далѣе авторъ впадаетъ въ тѣ краснорѣчивыя причитанія о „цѣльности мѣстной жизни“, которыя мы столько разъ читали въ нѣмецкихъ ходатайствахъ, отстаивавшихъ свою автономію отъ судебной, полицейской, учебной, церковной и иныхъ реформъ. Приводимъ эту тираду автора цѣликомъ:

„Будучи построена на совершенно *своеобразныхъ* основаніяхъ, имѣя свою *особую* исторію, успѣвшая пріобрѣсти въ теченіе вѣковаго своего существованія *извѣстную устойчивость*, земская жизнь этихъ губерній *трудно укладывается* въ какія либо *постороннія*, *чуждыя формы*. Всякая попытка подобнымъ пріемомъ создать порядокъ и благоустройство Прибалтійскаго края едва ли обѣщаетъ успѣхъ, напротивъ таковое насильственное отношеніе къ *исторически сложившейся* жизни *обширной провинціи* несомнѣнно отразилось бы въ высшей степени пагубно на ея *экономическомъ* благосостояніи, а слѣдовательно и на *интересахъ всей имперіи*“.

Въ высшей степени *пагубно* отразится на этой обширной провинціи, на ея экономическомъ благосостояніи, что тамъ какія нибудь сельскія дороги, или оспопрививаніе, или снабженіе больницъ умывальниками будетъ находиться въ рукахъ лицъ, зависимыхъ отъ правительства, а не отъ какой нибудь ландратской коллегіи. И каковъ размахъ—*интересы всей имперіи* пострадаютъ если не будутъ сохранены феодальныя учрежденія въ Прибалтикѣ!

Усиленіе правительственнаго вліянія на земское хозяйство и замѣну нынѣшнихъ дворянскихъ органовъ правительственными, авторъ уподобляетъ „стремленію какъ бы вовсе уничтожить это хозяйство въ прибалтійскихъ губерніяхъ“ (140). И опять онъ съ нѣмецкаго голоса угрожаетъ, что

„такой способъ разрѣшенія вопроса о переустройствѣ земскихъ учрежденій прибалтійскихъ губерній, *уничтожая* земское хозяйство одной изъ богатѣйшихъ русскихъ провинцій, несомнѣнно нанесетъ значительный ущербъ экономическимъ интересамъ *имперіи*“ (140).

Наконецъ авторъ уже прямо говоритъ, что всѣ старанія обезпечить надлежащимъ образомъ контроль и вліяніе правительственной власти въ сущности совершенно излишни, потому что существующее старинное лифляндское земское законодательство представляетъ и въ настоящее время достаточно въ этомъ гарантіи (140). То есть, откровенно говоря, авторъ просто стоитъ за сохраненіе въ силѣ и неприкосновенности всей совокупности нынѣшнихъ феодальныхъ распорядковъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

IV.

Будущее балтійское земство

по проекту г. Зиновьева.

Г. Зиновьевъ относительно будущихъ земскихъ учрежденій высказывается въ томъ смыслѣ, что наиболѣе правильнымъ было бы „можетъ быть *остановиться на нынѣ дѣйствующихъ органахъ* земскихъ учрежденій“, при чемъ сохранилась бы въ будущемъ земствѣ та преобладающая роль мѣстнаго феодализма, которая существовала до сихъ поръ. Онъ даже вышучиваетъ „господствовавшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ теченія“, при которыхъ „на земское дѣло глядѣли исключительно съ политической точки зрѣнія“. Земское дѣло—по мнѣнію г. Зиновьева—„дѣло чисто экономически - хозяйственное“. Даже на окраинахъ! Едва ли не болѣе дальновиденъ г. Рудченко, который въ своемъ Отчетѣ пишетъ:

„Напрасно думаютъ, что земскіе вопросы суть вопросы чисто мѣстные. Это вопросы общегосударственные, хотя и рѣшимые на мѣстной почвѣ. И это именно наиболѣе обнаруживается и чувствуется на нашихъ окраинахъ. Здѣсь то именно роль и участіе Правительства въ земскихъ дѣлахъ должны имѣть преобладающее значеніе. Здѣсь принципъ безконтрольнаго самоуправленія мѣстныхъ, чуждыхъ правительству по языку, вѣрѣ и національнымъ традиціямъ, верхнихъ слоевъ, наиболѣе всего опасенъ; на этомъ принципѣ держится здѣсь преобладающее господство немногихъ въ ущербъ массѣ населенія, которое является невольнымъ, но послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правящаго класса. Нельзя не относиться къ этому очень зорко, иначе могутъ ослабѣвать связи окра-

инъ съ центромъ, и правительству, со временемъ, можетъ выпасть тяжелая обуза считаться съ такими политическими и національными явленіями, которыя незамѣтно могутъ вырости подъ сѣнію слишкомъ широкаго мѣстнаго самоуправленія" (147).

Такъ смотрятъ на дѣло люди съ государственнымъ инстинктомъ, ибо вопросъ вовсе не въ томъ только, какъ думаетъ г. Зиновьевъ, чтобы „наилучшимъ образомъ устроить земское хозяйство" (138), все равно кто бы его ни устраивалъ и руководилъ имъ... Вѣдь не предоставляемъ же мы земское хозяйничаніе въ привислянскихъ и западныхъ губерніяхъ полякамъ, хотя можетъ быть они, какъ мѣстные жители, лучше съумѣли бы вести хозяйственныя дѣла, но государственная мудрость повелѣваетъ поступиться въ данномъ случаѣ интересами менѣе важными въ пользу высшихъ интересовъ политическихъ.

Г. Зиновьевъ вышучиваетъ стремленіе русскихъ дѣятелей „уничтожить вліяніе на теченіе земскихъ дѣлъ мѣстнаго дворянства" (138), но это вліяніе не потому стремятся уничтожить, что оно дворянское, но потому, что оно антирусское, что оно нѣмецко-лютеранское. Всѣ опасенія противъ этого вліянія кажутся автору „создавшимися не на основаніи тщательнаго изученія исторіи края... а подъ первичными впечатлѣніями, вынесенными изъ чтенія статей и брошюръ политическаго характера" (139) *). Между тѣмъ именно тщательное изученіе исторіи края приводитъ къ убѣжденію, что опасенія эти имѣютъ самое реальное основаніе. Да и можно-ли допустить, чтобы всѣ изслѣдователи до г. Зиновьева, лица вполнѣ почтенныя и облеченныя довѣріемъ правительства, которымъ они и посланы для изученія дѣла на мѣстѣ, представили бы въ своихъ Отчетахъ лишь какія то „первичныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ статей и брошюръ политическаго характера", какъ хочетъ насъ увѣрить г. Зиновьевъ? Эти изслѣдователи, наоборотъ, всѣ въ одинъ голосъ совѣтуютъ оградить будущее земство отъ мѣстнаго феодализма. Кн. Шаховской, говоритъ,

*) Развѣ въ этихъ статьяхъ и брошюрахъ не могла заключаться истина, даже въ большей степени чѣмъ напр., въ псевдо-изслѣдованіи г. Зиновьева, которое есть вѣдь тоже брошюра?..

что усилія феодаловъ въ земствѣ направлены „къ поддержанію чуждыхъ русскому быту и складу разнаго рода исключительныхъ привилегій и преимуществъ“ (320). Г. *Рудченко* говоритъ, что мѣстные феодалы „преслѣдуютъ въ земскомъ дѣлѣ не однѣ сословныя цѣли, но и автономнополитическіе и религіозные виды“ (2). Лифляндскій губернаторъ пишетъ, что дѣятельность нынѣшнихъ земскихъ учрежденій „въ большей степени направлена къ чисто политическимъ цѣлямъ, т. е. къ охраненію верховныхъ правъ и рѣшающаго значенія, въ земскихъ дѣлахъ дворянства, къ поддержанію обособленности прибалтійскихъ губерній и къ воспитанію этой страны въ чувствахъ отчужденія отъ имперіи“... Въ какомъ же видѣ представляется послѣ этого утвержденіе г. Зиновьева, что „стремленія, направленныя къ парализованію вліянія дворянства на земскія дѣла края, могутъ быть названы ударами въ пустую, и что совершенно лишнее хлопотать объ усиленіи правительственнаго вліянія на земскія дѣла, когда далѣе правъ, предоставленныхъ въ этомъ отношеніи правительственной губернской власти существующимъ закономъ, идти невозможно“ (143). Г. Зиновьевъ стоитъ совершенно одиноко съ своими сужденіями и своимъ оптимизмомъ.

Ему кажется непонятнымъ этотъ „неизъяснимый страхъ передъ воображаемыми силами прибалтійскаго дворянства“ (139), но дѣло объясняется очень просто: это страхъ предъ той громадной экономической зависимостью, въ которой мѣстный феодализмъ держитъ массу населенія, зависимостью, противъ которой трудно найти какое нибудь средство.

Ратуя за оставленіе земскаго дѣла въ феодальныхъ рукахъ, г. Зиновьевъ дѣлаетъ имъ слѣдующую характеристику:

„*Не касаясь* политическаго направленія этого класса, справедливость требуетъ признать за нимъ весьмо многія хорошія качества, какъ то трудолюбіе (? въ укрѣпленіи всего нѣмецкаго въ краѣ), экономность (? въ расходованіи земскихъ и сословныхъ средствъ на русское дѣло), участливое отношеніе къ общественнымъ дѣламъ (? если эти дѣла служатъ къ укрѣпленію нѣмецкой стихіи въ краѣ), рѣдкую привязанность къ своему краю (? пока за

нимъ можно сохранить нѣмецкую физіономію), и вообще серьезное отношеніе къ его (? не къ своимъ-ли) интересамъ"....

Вообще г. Зиновьевъ, предпочитая не касаться *политическаго направленія* мѣстнаго высшаго класса, находитъ его, однако „чрезвычайно полезнымъ матеріаломъ для земскаго управленія" (34). Точно въ дѣлѣ земскаго управленія такъ ужъ совершенно безразлично *политическое направленіе*. Точно въ душѣ каждаго барона въ особой коробочкѣ лежитъ политическое направленіе и въ особой—способность къ земскому управленію, и правительство можетъ „при надлежащемъ контролѣ" воспользоваться одной коробочкой, а другую держать запечатанной за казенной печатью. Точно *политическое направленіе*—не есть именно тотъ *духъ* дѣятельности человѣка, который проникаетъ все его существо, все его общественное служеніе. Точно можно говорить о политическомъ сословіи, каково дворянство, *не касаясь* его политическаго направленія. Точно не самое главное въ дворянствѣ—именно его политическое направленіе, и разъ существуютъ поводы „не касаться его", то не разрѣшается ли этимъ самымъ вопросъ о невозможности пользоваться имъ въ системѣ мѣстнаго управленія? Что сказали бы, если напр. при оцѣнкѣ дѣятельности музыканта, какъ таковаго, заранѣе оговаривались, что не будутъ касаться его музыкальной дѣятельности? Такой именно пріемъ предлагаетъ г. Зиновьевъ, отдѣляя отъ дворянства самую главную его суть—политическій духъ его. Что же тогда остается? И какую имѣетъ цѣну то, что осталось!... Если-бъ автору была доступна не провинціальная только, но и государственная точка зрѣнія, онъ понялъ бы, что политическое направленіе есть самое важное въ каждомъ общественномъ дѣятелѣ, тѣмъ болѣе въ сословіи, да еще въ такомъ, съ которымъ дѣлятся властью и которое призываютъ на первыя роли въ мѣстномъ управленіи.

Куда глубже взглянули на это же дѣло другіе изслѣдователи. Г. Яновичъ проводитъ параллель между русскимъ дворянствомъ и балтійскими феодалами. „Русскій никакихъ условій, ни договоровъ не знаетъ, онъ

вѣренъ въ силу любви, въ силу сознанія, что онъ *свой;* онъ сознаетъ, что онъ членъ великой нераздѣльной семьи и не опирается на свои права. Между тѣмъ феодалы продолжаютъ жить при томъ условіи, что въ государствѣ могутъ быть побѣдитель и покоренный. Они привыкли смотрѣть на себя, какъ на покоренныхъ, но не какъ на покоренный народъ, а какъ на покоренныхъ владыкъ, которые гораздо выше покорившаго ихъ народа. Они признаютъ только Монарха этого народа.... Въ русскомъ дворянинѣ сильно чувство сознанія родства и близости къ окружающему его народу, но той полноты духовной жизни, которая дается этимъ сознаніемъ, у феодаловъ—нѣтъ потому, что у нихъ нѣтъ ни народа, ни отечества, и они создали себѣ взамѣнъ всего этого культъ власти". Поэтому, говоритъ онъ, „очевидна необходимость учрежденія, не только могущаго вести общественное хозяйство, но и *безусловно способнаго дѣйствовать всецѣло въ интересахъ русскихъ задачъ въ этомъ краѣ.* И чѣмъ скорѣе и безповоротнѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ благодѣтельнѣе отразятся мѣры эти на благосостояніи края"...

Точно также и г. Рудченко пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изъять земское дѣло изъ вѣдѣнія дворянства, подчинивъ его правительственнымъ органамъ.

„При здѣшнихъ условіяхъ, національныхъ и поземельныхъ—говоритъ онъ—едва ли мыслимо устройство здѣсь земскаго управленія на началахъ самоуправленія; фактически это значило бы оставить существующій строй, *который преслѣдуетъ не общеземскія нужды губерніи*, а свои *сословные виды*, и блюдетъ не пользы и нужды мѣстнаго населенія, *а выгоды правящаго класса.* Если бы даже въ число представителей для такого самоуправленія нашлась какая либо возможность ввести крестьянъ, то что значили бы такіе представители передъ лицомъ сильнаго культурою и матеріально господствующаго нѣмецкаго дворянства? Скорѣе всего такое самоуправленіе напоминало бы собою провинціальные шляхетскіе сеймики Рѣчи Посполитой, на которыхъ польскій магнатъ, представитель шляхетской вотчины, являлся съ своею чиншевою шляхтою, всегда готовою вотировать за своего пана, всегда послушною въ его властныхъ рукахъ. Поэтому я

нахожу, что, въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время, не можетъ быть и рѣчи о преобразованіи земскаго управленія по началамъ такого самоуправленія,—тѣмъ болѣе, что здѣсь верхній, господствующій слой принадлежитъ къ національности, чуждой одинаково и государству и мѣстному населенію, что часть этого населенія еще такъ недавно перешла въ православіе, и этого не прощаетъ ему воинствующая лютеранская церковь, тѣсно связанная съ верхнимъ слоемъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ я полагаю, что въ вопросѣ о преобразованіи земскаго управленія скорѣе всего слѣдуетъ остановиться на организаціи учрежденій, съ преобладающимъ правительственнымъ характеромъ".

И дѣйствительно, немыслимо отождествлять коренное русское дворянство съ прибалтійскимъ, имѣющимъ совершенно иное историческое прошлое и иныя тяготѣнія. Преобладаніе въ мѣстномъ управленіи русскаго дворянства зиждется на особаго рода нравственныхъ правахъ, составляющихъ его неотъемлемое историческое стяжаніе; основаніе силы русскаго дворянства—историческое преданіе, воспитавшее въ немъ привычку и духъ служенія всегда интересамъ русскимъ, государственнымъ и народнымъ. Совсѣмъ не то на балтійской окраинѣ. Въ то время какъ на Руси дворянское и крестьянское сословія стоятъ рядомъ, здѣсь они стоятъ другъ противъ друга. Не будучи связаны съ населеніемъ единоплеменностью, балтійскіе феодалы по своимъ преданіямъ и тяготѣніямъ чужды понятіямъ и о русскомъ отечествѣ; идея государства имъ не сродна, ибо балтійскій патріотизмъ знаетъ больше родину (die Heimath), чѣмъ отечество. Поэтому наиболѣе дальновидные умы совѣтуютъ не усиливать эти элементы, а ослаблять ихъ; пользоваться ими въ системѣ мѣстнаго управленія значило бы добровольно создавать себѣ затрудненія на каждомъ шагу. О живыхъ правильныхъ формахъ мѣстнаго земскаго самоуправленія—какъ утверждаютъ всѣ изслѣдователи—теперь не можетъ быть и рѣчи, ибо на общественной аренѣ находятся какъ разъ тѣ дѣятели, которые въ послѣднее десятилѣтіе оспаривали каждый шагъ русскаго дѣла. Какой духъ могутъ они внести въ земство? Для самоуправленія прежде всего требуется существованіе достаточнаго количества благопріят-

ныхъ факторовъ, однимъ изъ которыхъ, и при томъ главнѣйшимъ, является правильный политическій духъ въ верхнемъ слоѣ... Но даже г. Зиновьевъ не рѣшается утверждать, чтобы такой духъ дѣйствительно имѣлся на лицо, и предпочитаетъ вовсе не касаться этого пункта... Вообще, всѣ изучавшіе балтійскій вопросъ, а въ частности земскій, согласны въ томъ, что для мѣстнаго самоуправленія еще не настало время, и что край нуждается пока только въ твердой, непреклонной и исключительно *правительственной* власти.

Мы кончили. Поставивъ себѣ задачей—не написать проектъ земскихъ учрежденій, но разобрать положенія г. Зиновьева, мы шагъ за шагомъ слѣдили за его аргументаціей и повсюду сопоставляли его выводы съ тѣми, къ которымъ пришли другіе изслѣдователи вопроса, при чемъ выяснялось, что со всѣми онъ расходится самымъ кореннымъ образомъ, не будучи, однако, въ состояніи сколько нибудь обосновать свои положенія, которыя колыхаются отъ малѣйшаго прикосновенія анализа. Цѣль, поставленная себѣ авторомъ—отстоять отъ разрушенія средневѣковое зданіе феодальнаго земства въ Прибалтійскомъ краѣ—не только противорѣчитъ всей русской политикѣ послѣдняго времени, но и сама по себѣ равносильна стремленію удержать въ дѣйствіи дряхлые институты, стѣсняющіе жизнь и развитіе населенія на новыхъ общегосударственныхъ началахъ. Въ нашей отечественной литературѣ такая попытка выразить нѣмецкія вожделѣнія на русскомъ языкѣ является впервые. Пожелаемъ, чтобы эта первая попытка была и единственною.

Цѣна 60 к.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

(Складъ брошюры: С.-Петербургъ, Бронницкая ул., д. № 3, кв. 14).